

АНИКА ВИШЕС

ЖАЖДА
ДОВЕРИЯ

ВЫЖИТЬ
ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

Аника Вишес

**Жажда доверия. Часть
3. Выжить для вечности**

«Издательские решения»

Вишес А.

Жажда доверия. Часть 3. Выжить для вечности / А. Вишес —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938429-4

Заглянув в свое сердце, Кристина находит там место для Германа. Но шаткое благополучие двоих влюбленных длится недолго. На горизонте над семьей Мареш вновь сгущаются тучи, древние, как сам глава рода, отец Германа — Владислав. Третья, финальная часть истории приоткроет завесу прошлого и вернет нас к истокам, давая ключ к разгадке нынешних событий. Смогут ли герои победить в схватке с подлинным злом, чтобы выжить для вечности?

ISBN 978-5-44-938429-4

© Вишес А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Жажда доверия

Часть 3. Выжить для вечности

Аника Вишес

Дизайнер обложки Алёна Мунирова

© Аника Вишес, 2018

ISBN 978-5-4493-8429-4 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-8430-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Большой зал в поместье Владислава Мареша наполнялся все новыми и новыми гостями и гудел, как пчелиный рой. Нарядно одетые мужчины и женщины занимали свои места, переговаривались, где-то слышался смех и приветствия. Из-за обилия свежих цветов просторное помещение походило на оранжерею. Надо всем этим из искусно спрятанных под потолком динамиков тихо разливалась музыка Штрауса и Вивальди, добавляя моменту торжественности.

У входа в зал возле двойных распахнутых дверей стоял сам хозяин дома. Одетый в парадный костюм, сияющий кольцами, запонками и белозубой улыбкой, он излучал радушие. Владислав здоровался и говорил пару фраз всем, кто шел мимо него. Некоторые останавливались, чтобы коротко поговорить с ним и прямо смотрели мужчине в глаза, но основная масса гостей почтительно кланялась и не решалась долго задерживать разговорами главу рода.

Один из секретарей подвел и представил ему пару смертных, мужчину и женщину в годах. Мужчина крепко пожал Владиславу руку, женщина много говорила и смеялась от волнения. Вампир покинул свой пост и лично проводил пару к их местам в первом ряду. Убедившись, что они устроились, он быстро оставил их и вернулся ко входу в зал.

Спустя некоторое время все заняли свои места, и двери в помещение притворили. Перед собравшимися в центре большой цветочной арки появилась женщина, которой предстояло произнести торжественную речь и скрепить брак молодой пары. Зазвучал свадебный марш, двери вновь распахнулись, и на входе показались жених и невеста. Под вздохи и восторженный шепот они прошли по ковровой дорожке и встали под аркой. Алекс был бледен. Заплаканное лицо его невесты надежно скрывала фата.

Глава 1

Кристине не во что было переодеться, и это обстоятельство причиняло ей неудобство. Днем в Майами в это время года держалась высокая температура. И хотя на вилле, где она и братья Мареш нашли убежище, работали кондиционеры, ей все же не хватало ее чемодана с вещами, оставшегося где-то на улицах города в расстрелянной и разбитой машине Алекса. К тому же на ее одежде сохранились следы крови Германа, оставленные им всего несколько часов назад.

Предоставленная сама себе, Кристина закрылась в ванной, разделась и под краном застирала в холодной воде свои блузку и шорты. Бурые пятна отошли, и одежда снова обрела некриминальный вид. Девушка отжала ее как следует и надела прямо так, сырую, решив, что как-нибудь переживет это неудобство.

В гостиной на первом этаже тягостным сном спал Алекс. Он отдал свою кровь старшему брату и теперь от бессилия провалился в забытье. На бледный лоб, покрытый испариной, спадала пара черных прядей, придавая всему лицу особое страдальческое выражение. Иногда молодой бессмертный стонал во сне, отчего сердце Кристины сжималось. Она считала минуты до приезда обещанного курьера.

Старший из всех обитателей виллы, Владислав Мареш, держался невозмутимо. Он то говорил по телефону с кем-то в дальнем конце дома, то работал за ноутбуком. По нему совершенно было не разобрать, волнуется ли он о своих сыновьях хоть сколько-нибудь или нет. Он пугал Кристину своей кажущейся беспристрастностью, и она старалась не попадаться ему на глаза, тихо обходя дом.

В одной из комнат девушка отважилась подойти к панорамному окну, чтобы посмотреть на океан. Она старалась не щуриться, но солнце больше обычного жгло ей глаза, и все же открывающийся вид стоил того. Подсохшие шорты уже почти не липли к ногам. Внезапно Кристина вздрогнула, услышав звонок, донесшийся откуда-то из недр дома. Спустя немного времени ее обострившийся слух уловил тихие шаги и голоса. Приехал долгожданный курьер. Она поспешила на звук.

Первое, что она заметила, вернувшись в гостиную: Алекс уже не спал. Он посмотрел на вошедшую девушку потухшим взглядом и слабо улыбнулся, затем с трудом сел. Гостиная соединялась с прихожей по принципу единого пространства, и, обернувшись, молодой бессмертный мог наблюдать, как в другом конце огромного зала курьер передает Владиславу пару серебристых кейсов. Кристина тоже видела это, и у нее в области желудка появилось странное тянущее чувство, отдалено похожее на голод, но также и отличающееся от него. Курьер протянул хозяйину дома и еще что-то, какой-то пакет. Влад обернулся и неожиданно жестом позвал к себе стоящую вдалеке девушку. Она подошла, и ей бросилось в глаза то, что курьер не поднимал лица и не смотрел на нее прямо, так же как он не смотрел и на главу рода. Владислав улыбнулся и обратился к девушке:

– Отличные новости, дорогая. У вас снова есть одежда, – он протянул ей пакет. – Чемодан нашли на месте аварии. В него, к сожалению, попало несколько пуль, и не все вещи уцелели, но кое-что все же не пострадало.

Кристина тихо сказала «спасибо» и уже хотела идти обратно, но увидела, как в гостиной Алекс пытается встать с дивана. Ноги слабо держали его, парня качало. Девушка посмотрела на главу рода.

– Если вы не против, я могла бы... – она не знала, как сказать, и просто указала взглядом на один из кейсов, где по ее мнению было ничто иное, как пакеты с донорской кровью.

– Да, милая, конечно. Вы очень любезны.

Вампир протянул ей один из чемоданов. Кристина взяла его и быстрым шагом направилась к Александру.

– Лучше сядь. Ты неважно выглядишь.

Она говорила тихо. Курьер докладывал о чем-то Марешу-старшему и не уходил.

– Я в порядке, – отозвался Алекс, но все-таки сел обратно на диван.

Кристина поставила кейс перед ними на журнальный столик и опустилась рядом. Она попробовала его открыть, но крышка не поддавалась – возле ручки был кодовый замок.

– Дай-ка я.

Алекс так быстро набрал нужную комбинацию, что девушка и понять ничего не успела. Верхняя часть кейса отошла, и серебристый футляр обнажил свое жутковатое нутро. Темные, почти черные пакетики бугрились толстой пленкой с напечатанным поверх текстом. Кристина ощутила одновременно приступ дурноты и непреодолимую тягу потрогать один из них. Эмоции Алекса оказались более однозначными: его взгляд сфокусировался и стал пристальным, а лицо еще больше заострилось.

– Отвернись, – негромко сказал он и взял один из пакетов.

От темно-красного кулька отходила пара каких-то заглушек и трубочек. Алекс резким движением вырвал их и поднес пакет к губам. Казалось, он даже не глотал, а просто вливал внутрь себя содержимое. Высосав первый пакет целиком, он потянулся за следующим, затем еще за одним. Лицо вампира приобретало более живой оттенок и точно светилось изнутри от облегчения и наслаждения. Девушка отвернулась, потому что в происходящем ей виделось что-то интимное, что-то, на что неприлично смотреть так, как смотрела она.

Прикончив большую часть содержимого кейса, Алекс шумно выдохнул и откинулся на спинку дивана.

– Тебе лучше? – осторожно поинтересовалась Кристина.

Пока все происходило, она и не заметила, как курьер и Влад куда-то ушли. Молодые люди остались в гостиной одни.

Алекс прикрыл глаза и не отвечал.

– Так тебе лучше? – повторила свой вопрос гостья.

– Мне? Не то слово! – он по-прежнему не поднимал век, словно придаваясь каким-то своим глубинным переживаниям.

– Как это? Расскажи мне, – вдруг попросила она.

Вампир сладко вздохнул и, немного помолчав, ответил:

– Представь себе бурю в пустыне. Песок, который проникает под одежду, забивается в нос, рот и в глаза. Представь, что через поры кожи он проник в твоё тело, заполнил твои вены, и ты пересохла, как река. А потом представь, что пошел дождь. Сильнейший ливень, который вымыл из тебя всю эту пыль и снова наполнил твои сосуды. Это как испытать оргазм, – он открыл, наконец, глаза и искоса посмотрел на девушку. – Только это во много раз лучше. Это как заново родиться.

Бессмертный шумно вздохнул и протер лицо ладонями, точно приходя в себя окончательно.

– Давненько у меня такого не было.

– Ты говоришь о том своем коматозном состоянии? Когда ты отдал Герману свою кровь, – уточнила Кристина.

Алекс кивнул, затем усмехнулся и пожал плечами.

– Но ведь для этого я и нужен. Это мой долг, мое предназначение.

– Защищать Германа?

– Не защищать, – Алекс слегка покачал головой. – После Восхождения Герман станет сильнейшим из всех в нашем роду.

– Даже сильнее Влада?

– Да, сильнее. Хотя и не сразу. И поэтому ему не нужна моя защита. Скорее, страховка. Лицо гостя стало вдруг очень серьезным.

– И ты ради этой страховки готов даже пожертвовать собой?

Вампир усмехнулся.

– Надеюсь, до этого не дойдет, но вообще-то... Я и вполнину не так важен для нашего мира, как он.

– Какого еще вашего мира? – не поняла девушка.

Александр пояснил:

– Мира бессмертных.

Она задумалась и замолчала. Ее взгляд упал на красные мешочки в охлаждающем кейсе, и живот снова неприятно повело. Губы девушки слегка покривились. Алекс уловил это едва заметное движение и, взяв один из пакетов, протянул ей.

– Думаю, тебе это тоже не помешает.

Кристина поморщилась и отвернула лицо.

– Нет, спасибо.

– Да брось, я же вижу. Долго ты все равно не выдержишь. Вспомни самолет. Это чувство будет нарастать, пока не доконает тебя окончательно. Так что хватит себя изводить, возьми и выпей.

Она все еще колебалась, глядя на пластиковый пузырь, полный чьей-то крови. При мысли, что ей придется поднести его ко рту, становилось мерзко.

– Я могу налить тебе в стакан, если хочешь.

Не дожидаясь ее ответа, Алекс поднялся с дивана и проследовал на кухню. Звякнуло стекло, своим новым слухом девушка уловила, как бессмертный вскрывает упаковку, как плотная струйка скользит по стенке стакана. Спустя пару мгновений парень снова появился.

– Соломинку? – улыбнулся он, показывая ей полный красной жидкости бокал.

Серьезная гримаса девушки срезала его, он перестал улыбаться.

– Извини. Вот, держи.

Кристина робко взяла стакан в ладони и склонилась над ним. Она долго не решалась поднести его к губам. Жажда юной бессмертной была не сильной, и потому рассудок брал верх над ее новыми инстинктами, которым еще только предстояло проснуться.

– Скажи, а я всегда буду... ну... впадать в такое состояние, как в самолете?

Алекс присел рядом с ней.

– Нет, что ты?! Тебе не стоит об этом переживать. Поначалу всегда тяжело, но со временем организм бессмертного крепнет. Проще переносится жажда, жар, холод. Одни чувства обостряются, другие наоборот. Но сейчас ты только проходишь трансформацию, и потому твое тело настойчиво требует то, что необходимо ему для завершения процесса. Потом станет проще.

Девушка посмотрела на него, словно ища поддержки в его словах, и Алекс добавил:

– Поверь мне. Пей.

Она, наконец, решилась, выдохнула и поднесла бокал ко рту. Густая плотная жидкость неспешно подползла к губам, как демонический черный язык, и проникла внутрь Кристины. Дальнейшее сложно было описать словами. Мир в воображении девушки одновременно расширился и сжался до размеров предмета, который она держала в руке. И все ее существо устремилось навстречу ему, как единственному источнику жизни. Она глотала чью-то кровь и чувствовала, как та становилась с ней одним целым, будто две горошины ртути сливаются в одну. Сердце застучало сильнее, гоня возросший поток по венам, и шум его звучал в ушах, становясь похожим на шум волн за окном виллы и сливаясь с ним. Так звучало дыхание мира, Кристина знала это. Сейчас она вообще знала все на свете, она точно воткнула себя, как вилку,

в розетку некоего единого потока жизни и энергии. И это чувство заставляло смеяться и рыдать одновременно.

Когда последняя капля донорской крови растворилась у нее на языке, девушка открыла глаза. Стакан из толстого стекла глухо выпал из ее ослабевшей руки на пол и покатился. Алекс поднял его.

– Как ты себя чувствуешь?

Она не отвечала, глядя перед собой невидящими глазами. Бессмертная слышала Алекса, как слышала вообще все на много миль вокруг, но открывать рот и произносить что-то вслух ей казалось бессмысленным. Алекс коснулся ее руки и повторил вопрос:

– Кристина, как ты? Эй...

– Я? – она чуть повернула к нему голову, и видение растворилось. Девушка снова была собой и сидела на светлом диване посреди огромного дома. – Я в порядке. В полном порядке.

Она обежала глазами гостиную, точно видя ее впервые, и тихо повторила:

– ...в полном порядке, – затем спросила: – А почему раньше я этого не чувствовала? Я же уже... ну... Я кусала человека и пила его кровь.

– Но что-то необычное все же было?

– Да. Ощущение покоя и такая, знаешь, холодная решимость.

Алекс задумался ненадолго, потом ответил:

– Могу объяснить это только тем, что ты находилась в стрессовой ситуации. А сейчас здесь, – он расслабленно откинулся на подушки, – совсем другое дело, так ведь?

Кристина молчала, глядя куда-то поверх стоящего перед ней кейса. Алекс спросил:

– Какие планы? Что ты теперь намерена делать?

– Дождусь, пока Герман проснется. Нам с ним о многом нужно поговорить.

Вместе с Германом спал, казалось, весь дом. Редкий звук, будь то включившийся кондиционер или тихий шорох пальцев Владислава на клавиатуре, нарушал эту тягучую дрему.

Разобрав пакет со своими вещами, Кристина обнаружила, что ее гардероб скуден, как никогда. И все же она сумела найти там кое-что подходящее. Легкое белое платье пришло на смену еще чуть влажным шортам и блузе. Босоножки из кожаных шнуров дополнили его. Поскитавшись в таком виде по дому еще немного, девушка сказала Алексу:

– Я хочу пойти к океану.

Парень оторвал глаза от смартфона, в котором внимательно изучал свежие сводки новостей с места недавней «катастрофы», и ответил:

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

– Нет, я могу пойти одна.

– Ладно, – он пожал плечами. – Только вот, возьми мои очки.

Он протянул ей пару солнцезащитных очков, без которых сам никогда не выходил на улицу днем.

– Иначе ты толком ничего не увидишь.

Девушка приняла их и надела здесь же.

– Тебе идет, – заметил вампир. – Выйдешь через вон ту дверь, а дальше дорожка выведет тебя через сад прямо на берег. Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Следить обязательно? – с улыбкой спросила Кристина, хотя сама наперед знала ответ. – Ладно. Я пойду.

По тропинке из плит, пересыпанных галькой, мимо пальм и цветущих кустов она вышла на пляж. Здесь было пустынно. В обе стороны тянулась песчаная коса с редкими отдыхающими. Берег оказался застроен шикарными виллами, большая часть из которых была белого цвета. Вилла Марешей выглядела одной из самых значительных.

Песок под ногами раскалился на солнце, но, вопреки опасениям, Кристина не ощущала жжения и боли. Чтобы испытать себя наверняка, она разулась, встала обеими ступнями на землю и почувствовала, как жар проходит сквозь кожу, но не причиняет ей вреда.

Привыкнув немного к новым ощущениям, девушка направилась к линии прибоя. Идти по воде было приятно. Набегающие волны слегка сбивали ее с ритма, раскачивая, и все же она упорно шла вперед параллельно песчаной косе, туда, где кончался пляж. Солнце светило ей в лицо, но очки спасали глаза от его света, теперь ставшего непереносимым. В один момент девушке пришло в голову снять их и попробовать посмотреть на мир «по-старому», но солнечные лучи не дали ей поднять веки. Глаза начали слезиться, и эксперимент пришлось прекратить.

Кристина неспешно дошла до причала с множеством яхт в конце косы, осматривая владения здешних обитателей, и повернула назад. Прошла пара часов, когда она подходила к своему нынешнему пристанищу. Солнце медленно клонилось к западу. Навстречу девушке по тропинке из сада шел Герман. Легкие льняные брюки и рубашка с закатанными рукавами чуть колыхались от океанского бриза. Темные очки надежно закрывали его глаза, он улыбался, и ничто теперь не выдавало в нем следов прошедшей битвы.

– Привет, – просто сказал он, поравнявшись с Кристиной.

– Привет, – отозвалась она. – Давно ты проснулся?

– Только что. Я позавтракал, если можно так выразиться, и сразу направился к тебе.

– Скорее уж, это ужин.

Герман усмехнулся.

– Быть может. Смотря, с какой стороны посмотреть. Пройдемся?

Он указал девушке на противоположную сторону пляжа, где она еще не была. Кристина согласно кивнула. Бессмертный тоже снял обувь и босиком пошел рядом с ней по слабым вечерним волнам.

– Итак... – привычно начал он.

– Итак, – отозвалась его спутница.

– Что ты думаешь?

– О чем именно? – уточнила она.

– Ну, о тебе и о нас с тобой? Что ты намерена предпринять или, может, чего намерена не предпринимать?

Кристина помолчала, затем ответила:

– Ты спрашиваешь меня вот так сразу, и я, если честно, даже не нахожусь, что сказать. Столько всего произошло за последнее время.

– Я знаю. Ты пила кровь.

– Да, и это тоже. Боже, просто голова идет кругом!

Она остановилась в растерянности. Герман встал рядом и одной рукой коснулся запястья девушки. В другой он по-прежнему держал свою обувь, как и его спутница.

– Я понимаю. Ты можешь не верить, но я вижу, что ты чувствуешь и переживаешь. Я чувствую отголоски этого внутри себя. Мы связаны, Кристина. И я никогда не противился этому. Для меня это был единственный путь.

Солнце село, и его последний луч погас в буйной растительности прибрежных садов. Герман снял очки и повесил их на расстегнутый ворот рубашки.

– Я понимаю, что все еще могу казаться тебе монстром... чудовищем... И все-таки...

– Герман, я люблю тебя, – девушка не дала ему договорить. Она сдвинула свои солнцезащитные очки на лоб, ее глаза были тревожными и честными. Пальцы взволнованно теребили ремешки босоножек. – Не знаю, та ли это незримая связь, о которой ты говоришь и о которой писал мне в письме, но я люблю тебя. И всегда любила. Теперь мне стало это ясно.

Набежавшая волна смыла в океан легкие ботинки бессмертного, которые от неожиданности выскользнули из его руки. Наследник рода будто бы не заметил этого. Он сделал шаг и вплотную приблизился к своей спутнице, затем прижал ее к себе и прильнул губами к ее губам. Кристина ответила на поцелуй, обнимая его за шею. Океанские волны ласкали щиколотки девушки, и их тихий шелест отмерял секунды внезапной близости.

Когда, наконец, оба они насытились своим порывом, Герман спросил:

– А как же все то, что ты узнала обо мне? Я в курсе, ты была на озере с Никой.

– Да, и мне известно не только об озере. Еще был Томский и та девушка из клуба, с моего дня рождения.

Герман напряженно молчал.

– Меня это все пугало. Ровно до того момента, пока я не набросилась на Артема.

– Мне казалось, это он напал на тебя.

– Сначала да, но потом-то это же я его укусила, – ботинки Германа колыхались на волнах поодаль, и она, чуть приподняв подол платья, направилась глубже в воду, чтобы выловить их. – В тот момент я почувствовала что-то. Что-то, что примирило меня со всем этим. Что-то, что лишило меня животного ужаса перед смертью, избавило от угрызений совести и от желания порицать. Скажи мне только одно. Так было нужно?

Она протянула Герману его промокшую насквозь обувь. Он прямо взглянул ей в глаза и коротко ответил:

– Да, моя радость.

Тень задумчивости легка на лицо девушки, но она кивнула.

– Расскажи мне об этом. Но только не теперь, а потом. Когда я почувствую, что смогу понять все, что бы ты мне ни открыл. Думаю, этот момент не за горами.

Она развернулась и жестом пригласила мужчину идти обратно. На виллах уже зажигалась подсветка вдоль садовых дорожек и первые огни в комнатах. Герман послушно пошел за своей спутницей. Он сжал ее ладонь в своей и осторожно спросил:

– Так ты решила?

– Что?

– Решила не противиться этому? Тому, что происходит с тобой, с твоим телом.

Девушка задумчиво улыбнулась.

– А разве у меня есть выбор? Процесс обратим, но он очень силен. Я зашла слишком далеко. К тому же что-то открылось мне. Кажется, я начинаю постигать некую тайну этого мира, но пока завеса только слегка отдернута. Не уверена, что я хочу останавливаться. И еще есть ты. Это один из главных пунктов. Я люблю тебя и не хочу потерять, не хочу, чтобы что-то разделяло нас. Я готова следовать за тобой, куда будет нужно. Даже за грань своей человеческой природы.

Герман смотрел на нее, не отрываясь. Его глаза светились неким внутренним счастьем и потому были похожи на первые звезды, уже начавшие загораться на небосклоне. Он остановился и притянул к себе девушку, обнимая, крепко прижимая к себе всем телом. Его мягкий шепот раздался рядом с самым ухом Кристины.

– Я обещаю, ты никогда не пожалеешь об этом.

Глава 2

Ранние осенние сумерки уже надвигались на Карпаты с востока, когда свита князя Валахии окончательно отстала от него и приняла решение вернуться назад в Тырговиште, в замок Поенарь. Охота удалась и без трофея, за которым, не жалея ни себя, ни лошадь, их господарь погнался в одиночку, поднявшись, по-видимому, выше в горы, туда, где буковый лес становился непролазным.

– Должно, господарь и самого черта не боится, раз на ночь глядя решил бросить нас и забраться туда.

– С чего дьяволу бояться черта?! Поворачивай к дому, поехали.

Придерживая пугливую лошадь поводьями, один из приближенных князя затрубил в рог, подавая сигнал к окончанию охоты. Многолюдная процессия из всадников на взмыленных лошадях, псарей, собак, одуревших от долгого бега, и пеших охотников двинулась в обратный путь.

– Много волков взяли сегодня.

– Недостаточно. В этом году их наплодилась тьма. Ходят по деревьям и никого не боятся. Если до зимы не побьем еще, туго нам придется. Выжрут в лесу всю дичь и придут прямо к нам на порог.

– Не зря ли тогда мы оставили Влада? А если они схарчат¹ его там, в горах, на пару с его трофеем?

Боярин рассмеялся в ответ.

– Уж скорее он их, чем они его!

Всадник выслал² лошадь в рысь, торопясь прибыть домой до наступления ночи.

Олень забрался выше, в самую чашу, и затем взял правее. Влад чувствовал его присутствие где-то поблизости и направлял своего вороного коня точно по его следу, пробираясь через заросли буковых деревьев. Чистый лес, похожий днем на огромный зал великолепного зеленого храма, в этом месте весь зарос густым подлеском. Тонкие ветви молодых деревьев норовили хлестнуть по лицу, но всадник ловко уворачивался от них. Конечно, на своих двоих он легко настиг бы добычу быстрее любого хищника, живущего в этих местах, но бросать коня не хотел: волки уже учуяли запах гонимого зверя и взмокшей лошади. Они не тронут наездника, наделенного редким даром, но оставленному без присмотра скакуну шансов не оставят. Князь знал это и, дорожа своим боевым конем, не спешил расставаться с ним.

Солнце клонилось к западу. Несмотря на то, что с самого утра оно было надежно скрыто густым ковром облаков, вампир безошибочно чувствовал скорое приближение вечера. Вдалеке протрубил рог, давая понять, что охота окончилась. Для всех, кроме Влада. Но и он намерен был вскоре это исправить и нагнать свою добычу.

Огромный, покрытый буро-рыжей шерстью, носящий на голове ветвистую корону, олень будет поистине господским трофеем, достойным лишь его одного. И теперь зверь был совсем недалеко. Владислав уловил едва заметное движение и направил лошадь вперед. Конь галопом скакал по пологому откосу, увитому корнями вековых деревьев и заваленному прошлогодней листвой, минувя огромные стволы, доверяясь только чутью всадника. Впереди, вдалеке показался просвет, и черный жеребец прибавил³ еще, желая поскорее вырваться из плена чащи. Рыжий олений зад замаячил впереди, затем зоркий глаз бессмертного уловил еще какое-то

¹ Схарчат – просторечная форма слова «съедят».

² Выслать лошадь – корпусом и ногами дать ей команду двигаться вперед.

³ Жеребец прибавил – стал двигаться быстрее, увеличил скорость.

движение. Не успел Влад распознать его, как послышались крики, скрежет и треск, сопровождаемые конским ржанием.

Князь поспешил вперед, выскочил из леса на горную дорогу и увидел источник звука. Гонимый им олень, уходя от погони, со всего маха налетел на чью-то повозку, проезжавшую мимо. Лошади испугались и сорвались вниз по каменистому склону, повозка последовала за ними. Овраг, куда скатились кони и их груз, выглядел неглубоким, но с крутыми краями. И теперь на дне его все копошилось, трещало и кричало. Злополучный олень уже выбрался на другую сторону лощины и вновь скрылся в лесу.

– Есть кто живой? – зычно крикнул князь, но человеческого голоса в ответ не услышал.

Он спешил⁴ и поторопился спуститься вниз. Четверка коней, впряженная в повозку, обезумела от испуга и билась в запутавшейся упряжи, норовя потащить свою ношу дальше по дну. Охотничьим ножом Влад обрезал ремни сбруи у первой пары, освобождая и разделяя животных. Те устремились вперед, к пологому подъему, выходящему на дорогу чуть дальше. Оставшиеся кони вели себя смиренно. Одна из лошадей попросту сломала ноги и не могла встать, другая стояла рядом, обливаясь потом от страха и тараща глаза. Влад присел рядом с искалеченным животным и положил ладонь ему на лоб. Рыжая кобыла, только что лихорадочно дышавшая, притихла, а спустя пару мгновений и вовсе прикрыла глаза. Вампир поудобнее перехватил охотничий нож и твердой рукой перерезал ей горло. Кровь хлынула ему под ноги, растекаясь по каменистому дну оврага. Соседняя лошадь при виде нее заплясала на месте еще больше.

– Ну, тише, тише. Все уже кончилось.

Отерев кровь с ножа, Влад двинулся к последнему животному, но вдруг услышал тихий стон. Звук доносился откуда-то из глубины разбитой повозки, лежащей на боку.

Кучер был мертв, в этом не было никаких сомнений. При падении с козел он свернул себе шею. Влад прошел мимо него к дверце и, открыв ее, заглянул внутрь. Здесь тоже лежало тело. Нарядно одетая женщина в залитом кровью платье. Тяжелый ларец, окованный серебром и украшенный камнями, размозжил ей висок.

Вампир уставился на человеческую кровь, как зачарованный, и потому не сразу заметил внутри еще одну женщину. Именно ей и принадлежал стон, услышанный им. Темноволосая, оглушенная падением, она с трудом шевелилась, запутавшись в платье и поваленных, перемешавшихся вещах. Тело мертвой попутчицы придавило ей ноги, и она теперь оказалась не в силах выбраться самостоятельно.

– Госпожа! – выдохнул князь, придя в себя и переводя взгляд с алых подтеков на живого человека. – Не спеши, госпожа, я помогу тебе⁵!

Мужчина навалился на порог повозки, и она со скрежетом встала задранными колесами на твердую землю. Затем он подал руку выжившей, и она, всем весом опершись на нее, перебралась через труп и вывалилась наружу. Влад крепко взял женщину за плечи и поставил на ноги. Она откинула со лба растрепавшиеся каштановые волосы и взглянула в лицо своему спасителю. Князь замер, пораженный открывшимся ему зрелищем.

Кожа незнакомки имела молочно-белый цвет, и с ней ярко контрастировали темные густые брови, венчавшие большие, орехового цвета глаза, широко распахнутые от напавшего на девушку ужаса. Пухлые губы, в обычное время, должно быть, имеющие чувственно-алый цвет, теперь побледнели, и это обстоятельство заставило сердце князя сжаться от внезапной нежности к молодой красавице.

– Спасибо тебе, кто бы ты ни был, – тихо проговорила незнакомка, обводя глазами своего спасителя, а затем дно оврага и следы произошедшего несчастья.

⁴ Спешил – слез с коня, став пешим.

⁵ Фигурирует обращение на «ты» т.к. вежливая форма обращения «вы» появилась позднее.

– Бог милостив и он не посмел лишить мир такой красоты. Но кто ты и откуда взялась в моих землях?

– Мое имя Эржбета Штефенеску⁶. Я еду из Матасару в Штефенешти, домой, к моему отцу Янаке Штефенеску, боярину и хозяину тех земель. Пять лет назад он выдал меня замуж за Негоицу Копои, боярина Матасару. Но, к несчастью, недавно я овдовела. И поэтому теперь возвращаюсь назад.

Оставшаяся в живых лошадь продолжала волноваться, то глядя на лежащий у ее ног конский труп, то видя наверху жеребца самого князя. Влад двинулся к ней, чтобы освободить из остатков сбруи, говоря между делом:

– Почему же ты не осталась хозяйствовать в доме покойного супруга, боярыня?

– Его родня встала против этого. Дело в том, – девушка собирала в прическу распустившиеся косы, чтобы иметь более подобающий вид, – что как только я вышла замуж, Негоица сразу же уехал на войну. Там он попал в плен, а когда его родня сумела выкупить его из плена, он был безнадежно болен. Мне вернули его, лежащего на пороге смерти. Мы были знакомы всего несколько часов, не оставили потомства. После смерти мужа хозяйствовать в Матасару стал его дядя, и он принял решение, что я должна взять то, что мне причитается, и уехать сама, по доброй воле. Так и закончилось мое замужество.

Подол платья порвался и теперь волочился по камням, и девушка решительно оторвала его. Нарядная вышивка треснула, платье стало короче, но зато теперь не мешало при ходьбе.

– А женщина в карете, ехавшая с тобой, кто она?

– Моя служанка. Она появилась у меня уже в доме мужа и, я точно знаю, наушничала на меня без устали. О смерти бродячей собаки я горевала бы больше. Туда ей и дорога.

Эржбета выглядела испуганной, но все же какой-то внутренне твердой и собранной. На дно оврага уже вливалась ночная тень, пора было выбираться. Девушка подошла к карете и, не без содрогания заглянув внутрь, выудила оттуда ларец, послуживший причиной смерти ее сопровождающей. Влад, видевший это краем глаза, догадался, что внутри находилась та самая доля, деньги или украшения, причитавшиеся вдове покойного боярина Негоицы.

– Поедешь на этой лошади, – сказал бессмертный, освободив последнюю кобылу из повозки. – Я провожу тебя до земель твоего отца. Умеешь ездить верхом?

– Умею, – отозвалась девушка. – Но прежде, чем мы отправимся в путь, назови мне свое имя. Я должна знать, о чем здоровье и счастье молить бога за мое спасение.

Мужчина подвел к ней коня.

– Меня зовут Влад Цепеш, господарь Валахии. Но ты, возможно, знаешь меня под другим именем – Влад Дракула.

Глаза девушки округлились от ужаса и одновременного с ним почтения.

– Господарь наш? Дракон, проливший реки крови, о чьих делах все говорят в твоих землях и далеко за их пределами?

– Тот самый, – чуть склонил голову в изящном поклоне Влад.

– Я иначе тебя представляла. Думала, у тебя когти на руках, а во рту клыки.

Он засмеялся смелой шутке, способной стоить девушке жизни.

– Когтей у меня нет, а что касается клыков, может, сказки и не врут. Идем, пока совсем не стемнело, пора выбираться.

Карабкаясь вверх по склону оврага, Влад поднял что-то с земли и выругался. В сумерках его спутница сначала приняла предмет в его руках за ветку, но затем поняла, что это олений рог, большой и увесистый.

– Вот и все, что мне досталось на этой проклятой охоте.

⁶ Штефенеску – фамилия, образованная от названия вотчины ее отца, Штефенешти.

– О чем ты, господин мой?

– Это рог оленя, которого я гнал, но так и не добыл. Именно он напугал ваших коней. Я надеюсь, ты не станешь винить меня в случившемся?

– На все воля божья, – отозвалась девушка. – Может, все вышло не так и плохо. Добраться бы до дома моего отца целыми, не встретив волков. Может, тогда в награду за мое спасение судьба все же подарит тебе трофей, и ты еще встретишь своего оленя.

– Зачем он мне нужен с одним-то рогом? А до места уж я тебя доставлю, будь спокойна. Но это случится не сегодня. Уже почти стемнело. Переночуем в лесу, а утром я проведу тебя.

Спутники проехали чуть дальше по дороге и остановились на небольшой поляне, где и решено было заночевать. Едва они спешили, как лошади начали волноваться. Спустя мгновение над горами разлился тихий и протяжный вой.

– Волки, – обмерла Эржбета. – Конец нам с тобой, господарь, если мы не поскачем к дому прямо сейчас. Тогда, может, еще и успеем.

– В темноте? Скорее снова сорвемся в ущелье, – говоря это, Влад выглядел на удивление спокойным. – Мы останемся здесь, и поверь, они нас не тронут. А как только начнет светать, снова двинемся в путь. Кони, которых я первыми отпустил от повозки, должно быть, уже доскакали до Штефеншти. Твоя родня увидит их и поймет, что что-то случилось. Они выдвигаются искать тебя. Переждем тьму до рассвета, а там, глядишь, скоро ты увидишься с родственниками.

Бессмертный привязал лошадей и развел огонь. При виде живого пламени Эржбета приободрилась. Она поглубже закуталась в свое дорожное платье и села ближе к огню. Осенние ночи в этих краях бывали холодны.

– Спать будешь здесь, – Влад расстелил возле нее на земле свой кафтан и открепил от седла притороченный⁷ плащ, темно-красный, обширный и теплый, подбитый волчьим мехом.

– А ты, господарь?

– Я не боюсь холода. Просто сяду к огню. Угостить мне тебя нечем, я охотился и ничего съестного не взял с собой. Есть только это, хочешь?

Мужчина открепил от пояса и протянул ей богато украшенную флягу. Изображение дракона, выполненное из металла и украшенное драгоценными камнями, поблескивало на ее пузатом боку в свете костра.

– Что в ней?

– Вино. Поможет согреться и заснуть.

Девушка открыла пробку и сделала большой глоток, затем поморщилась.

– Ох и крепкое, господин мой!

Влад усмехнулся и тоже отпил из фляжки. Где-то, уже ближе, чем раньше, снова завывали волки, заставляя девушку замереть в испуге.

– Не тревожься о них, спи. Я постерегу.

– Тогда садись подле меня, на свой кафтан. Мне так спокойнее.

Бессмертный выполнил ее просьбу, и Эржбета устроилась калачиком, плотно закутавшись в волчий плащ князя. Владислав сидел рядом и наблюдал за огнем, расслабившись и потеряв счет времени. Облака рассеялись, ветер гнал по ночному небу их обрывки и шумел в верхушках деревьев, обступивших путников со всех сторон. Огромная желтая луна взошла над лесом, и буки стали отбрасывать призрачные тени на пожухлую осеннюю траву.

Из раздумий князя вывела его спутница, неуютно ерзающая под плащом и, по-видимому, неспособная заснуть в холоде на стылой земле.

– Не спишь, госпожа? – тихо произнес Влад.

⁷ Притороченный – привязанный, пристегнутый.

– Холодно. Можно мне еще вина?

Вампир с готовностью снова протянул смертной флягу, украдкой любясь ее тонкими запястьями и белизной кожи рук и лица. Девушка сделала несколько щедрых глотков и вдруг сказала:

– Лег бы ты рядом. Тебе хоть и не холодно вот так сидеть, но, может, хоть я бы согрелась подле тебя.

– А не боишься? – лукаво усмехнулся Влад.

– Нет уж. Я их боюсь, – Эржбета кивнула на лес, где в ночи выли и охотились волки. – Вот кто и вправду страшен. А тебя чего мне бояться?

Мужчина не стал пояснять свою мысли, но просто сделал, что просили: забрался под плащ и прижался к девушке. Она сначала лежала тихо, но затем снова заерзала, прижимаясь ближе, повела плечами, перебрала ногами.

– Мерзнешь?

– Уже почти нет, господарь.

Владислав затих, чувствуя, как тепло, исходящее от смертной попутчицы, дурманит его. Все его тело приходило в состояние возбуждения, и он с трудом противился нахлынувшим чувствам. Догадываясь, что может смутить свою спутницу, он чуть отодвинул от нее свои бедра. Внезапно девушка повернулась к нему, обвила рукой за шею и поцеловала. Она сделала это так уверенно, что князь поначалу опешил, но затем ответил ей на поцелуй, жадно и горячо. Через несколько мгновений он уже придавался ласкам Эржбеты, затем вдруг прервался и сказал:

– Как бы тебе не пожалеть о том на утро. Лучше уймись сейчас и не трать себя.

Зеленовато-карие глаза девушки впились в его лицо, и она ответила с уверенностью, всколыхнувшей в князе все до доньшка:

– Лучше я один раз отдам себя тому, кого хочет мое сердце, а потом умру старой девой в позоре, чем снова буду ждать мужа, которого даже не увижу до свадьбы, а может, и после нее.

Сказав так, девушка снова прильнула губами к губам мужчины, но осторожно и несмело, словно прося разрешения. Влад ответил ей со всей страстью, накопившейся в нем за долгие годы, на протяжении которых он убивал, воевал и боролся за власть, но никогда не любил женщину по-настоящему, открыто и мягко, без жестокости завоевателя и палача. Его руки гладили ее бедра и грудь, путаясь в складках нарядного платья. Владу хотелось большего, но снимать с Эржбеты одежду ночью в осеннем лесу он не посмел, а просто разорвать нарядное одеяние там, где оно скрывало самые притягательные места, значило совершенно обесчестить вдовую боярыню. Потому он просто задрал сбившийся и без того подол ее долгополой одежды, балуя себя прикосновениями к голой коже ее бедер и ягодиц.

Девушка же, не стесняясь ничего, стянула с князя вышитую шелковую рубаху и всю поддевку под ней. Она словно таяла под Владом и разливалась горячими поцелуями по его плечам и груди. Ловкие тонкие пальцы мигом распустили завязки и освободили князя от штанов.

– Ох и торопишься! – сладко выдохнул он, чувствуя, как его возбужденный член обвила маленькая женская ладошка.

– Довольно я ждала... наждалась... хватит... – отчаянно зашептала она, направляя мужчину вглубь себя.

Влад послушно вошел в нее с сильным толчком, не в силах больше сдерживаться. Эржбета пискнула, и ее зубки впились ему в плечо. Князь заметил влагу, едва проступившую под пушистыми ресницами девушки.

– Прости... Прости... – шептал он ей на ухо, целуя и двигаясь напористо, но неспешно.

Эржбета вся дрожала под ним, но ее горячие ладони легли на талию и ягодицы мужчины и держали его надежно, как аркан, не давая отстраниться дальше, чем было нужно. Это безмерно возбуждало Влада. Пылкое желание и одновременно с тем боль и муки, которые все равно не отвращали смертную с намеченного пути, не пугали ее, но, казалось, только подза-

доривали. Князь почувствовал, что не выдержит дольше, и излился внутрь девушки, шумно выдохнув и навалившись на нее всем телом. Эржбета задрожала, как в горячке, чуть изогнулась, широко распахнула глаза, а спустя мгновение засмеялась. Ее смех, звонкий, как весенние ручьи, бегущие с Карпатских гор, залил поляну. Кони вздрогнули, но тут же замерли снова.

– Ты чего смеешься? – удивленно спросил Влад.

Гримаса муки и глубокой внутренней скорби вмиг исказила лицо Эржбеты, она зажмурилась и ладонью прикрыла искривившийся рот, отворачиваясь. Хрипло и тихо ответила:

– Ничего, господарь. Прости меня, я глупая и всегда глупой была.

Влад обнял ее, не давая девушке отвернуться совсем и откатиться от него в сторону.

– Нет, ты не глупая, – сказал он, тихо улыбаясь. – Ты умнее многих будешь, но разум в тебе какой-то иной. В тебе страха нет.

Эржбета лежала в объятиях князя, затихшая, как пойманная птица. Внезапно он спросил:

– Ты сказала, что меня хотело твое сердце. Что это значит? Как можно хотеть того, кого не знаешь, пусть он даже и господарь Валахии?

Девушка подумала немного, затем тихо ответила:

– Я узнала тебя сразу, как увидела. Много лет назад в Тырговиште, когда я была совсем маленькой девочкой, я видела на рынке прекрасного мужчину, воина. Это был ты. В праздник на площади было много народу, но я сразу тебя заметила. Ты был другой, выше всех прочих, не по росту, но по чему-то такому в тебе, чего больше нет ни в ком. Я тогда еще не знала, что ты – будущий господарь наш.

– Я и сам тогда не знал. Никто не знал точно в те времена, что будет дальше.

– Но я точно знала, что встречу тебя снова.

Она повернулась к нему, и ее большие глаза внимательно посмотрели в лицо Владу, будто два буро-зеленых лесных озера, глядящие в ночное небо. Он смотрел в них, и странное чувство словно тянуло его нырнуть в их зеленые воды, так, будто там всегда и было его место. На дне этих лесных озер.

Едва тьма на востоке над лесом начала редеть, двое любовников, окончательно выбившиеся из сил за ночь, так и не сомкнувшие глаз, стали собираться в дорогу. На спину кобылы Владислав собирался накинуть свой кафтан, чтобы Эржбете мягче было сидеть.

– Не нужно, господарь. Что же я, так и въеду в дом к отцу на кафтане твоём?

– А что такого?

– Никому нельзя знать, что ты спас и проводил меня. И что мы ночевали здесь вдвоем. Дома меня забьют палками за такое.

– Но я господарь Валахии, я правитель этих земель! – засмеялся Влад.

Эржбета оставалась серьезной.

– Никому. Нельзя. Знать.

Он замолчал. Ему неведомы были порядки в доме ее отца, боярина Янаке Штефенеску.

Еще в сумерках они тронулись в путь. Дорога петляла по склонам гор и постепенно уходила вниз, собираясь спускаться в долину, где располагалось село Штефенешти. Отдохнувшие за ночь лошади легко несли двоих всадников к цели. Волки, за ночь собравшиеся у места стоянки, но так и не осмелившиеся подойти, какое-то время незаметно следовали за Владом и Эржбетой, с интересом провожая странную пару, но затем отстали и отправились обратно вглубь лесов.

На рассвете двое выехали на опушку и остановились. Солнце так и не сумело пробиться сквозь густую пелену серых осенних облаков, под утро снова укутавших землю. Внизу, в долине у края холмов, раскинулось небольшое селение, за ним, чуть поодаль, обнесенное крепостной стеной поместье – замок боярина Янаке. Замок его называли простые люди, никогда

не выдавшие настоящих, могучих и грозных цитаделей. Однако строение было хорошо укреплено и не раз переживало осады неприятеля.

– Ну, вот и настала пора прощаться, – проговорила Эржбета, поудобнее перехватывая тяжелый ларец – единственную свою поклажу. – Дальше я поеду одна.

– Что с тобой будет дома? Увидимся ли мы еще? – спросил князь, не сводя глаз со своей спутницы, будто стараясь запомнить ее как можно лучше.

– Думаю, мои брат и отец снова попробуют выдать меня замуж. Найдут жениха побогаче и продадут ему, как знатную кровленую⁸ кобылу.

– А ты что же? Пойдешь?

– У меня выбор невелик. Или под венец, или в монастырь. Принять постриг и до конца века молить бога о благоденствии моего покойного мужа.

Влад хотел что-то сказать, но вдруг заметил, как по дороге из селения внизу выехала группа всадников. Они резво гнали лошадей и держали путь в их сторону, в горы. Заметила их и Эржбета.

– Это за мной. Уходи, господарь. Нельзя, чтобы тебя со мной видели.

Князь развернул коня к лесу, слыша твердую решимость в голосе девушки.

– Прощай, – коротко бросил он.

– Уходи! Скорее, – звонко откликнулась его спутница, затем с силой толкнула свою лошадь пятками в бока и устремилась вниз по дороге, к всадникам, пока еще похожим только на маленькие точки вдаль.

Влад выслал коня с места в галоп и за считанные мгновения скрылся в лесу.

⁸ Кровленая кобыла – породистая, хороших кровей.

Глава 3

По одной из садовых дорожек Герман и Кристина поднялись обратно на виллу. В противовес всем соседним строениям, в доме Марешей свет нигде не зажигали, и комнаты наполняла ночная тьма. Только территория подсвечивалась мерным бело-голубым светом фонарей, встроженных по бокам тропинок и вблизи насаждений.

Пара вошла внутрь, на вилле было тихо. Владислав продолжал неумоимо работать за своим ноутбуком, а Алекс, до конца еще не пришедший в себя, лежал на диване в гостиной и дремал, вставив в уши наушники-капли. Проходя мимо, Герман осторожно коснулся его плеча. Младший брат открыл глаза.

– Оставь нас ненадолго, – Герман указал девушке рукой на стеклянную дверь, ведущую на открытую террасу.

Кристина послушно вышла и опустилась в одно из светлых плетеных кресел. Отсюда открывался вид на океан, звездное небо и подъездную дорожку, ведущую к вилле. Теплый ветер колыхал прозрачные шторы, подвязанные к колоннам по краям террасы. Каменные плиты пола грели стопы, отдавая накопленное за день тепло. Несмотря на все последние пережитые события, девушка не могла сопротивляться очарованию этого места. Она блаженно замерла и слушала тихое дыхание спящего океана.

Вскоре Герман неслышно подошел к ней и сел в соседнее кресло.

– Как там Алекс?

– В порядке. Я отослал его по делу.

– Какому?

– Это сюрприз.

Почти сразу после этих слов на территории виллы открылась автоматическая дверь гаража, и оттуда с ревом выехало спортивное купе графитово-серого цвета. Как ревушая тень, машина скользнула к выезду и почти сразу исчезла из виду.

– Бедный Алекс. Он у тебя все время загружен работой.

– Да там ничего сложного. Он скоро вернется.

– Ну, а мы с тобой чем займемся?

– На этот счет у меня есть пара идей.

Герман встал и вышел, но через минуту вернулся. В одной руке он нес бутылку вина, в другой – пару бокалов. Также на небольшом столике вскоре появились фрукты, шоколад и сыр.

Парень без труда откупорил бутылку и наполнил фужеры. Даже в темноте обостренное зрение девушки точно различило густой медовый оттенок напитка.

– За тебя, – негромко произнес Герман.

– За нас, – отозвалась девушка, и бокалы звякнули друг о друга тончайшими стенками.

Вино оказалось сладким на вкус. Они пили и беседовали. Герман положил себе на колени обнаженные ноги своей спутницы и время от времени мягко массировал ей стопы или рисовал пальцами причудливые узоры на ее икрах. Она тихо смеялась и старалась ни о чем не спрашивать Германа. Он сам рассказывал ей о том времени, которое провел вдалеке от нее с удивительной легкостью, обходя все неприятные моменты так, будто их не было.

Через пару часов машина Алекса вернулась, но младший Мареш не показался паре на глаза, словно не желая вторгаться в их приватность. За тихой беседой и вином часы текли быстро, и вскоре птицы в саду проснулись и наполнили его предрассветным гомоном. Солнце уже подкрадывалось к краю горизонта. Герман коснулся ладони девушки.

– Будешь спать в моей спальне?

Она устало кивнула. Оставив на столике после себя все, как есть, двое направились вглубь дома. Алекса нигде видно не было. Ночная мгла редела, и первый тусклый серый свет уже начинал проникать на виллу, порождая внутри новые причудливые силуэты и тени. Герман взял Кристину за руку и повел по лестнице наверх. Его спальня, как и большинство жилых комнат дома, выходила окнами к океану, но плотно задернутые шторы не позволяли насладиться его красотой.

Герман прикрыл за ними дверь и сразу же отошел в сторону, отвернувшись. Стоя спиной к девушке, он осторожно расстегивал одну за другой мелкие пуговицы своей легкой рубашки, и только теперь Кристина обратила внимание на некоторую скованность его движений. Каждый жест давался ему словно с небольшим усилием. Она подошла к мужчине и положила ладонь ему на плечо.

– Не сегодня, ладно? – послышался его тихий голос.

– Я просто хочу помочь тебе.

Ее пальцы легко скользнули вниз по его плечу. Герман покорно повернулся. Взгляд девушки прошел по его обнаженной груди и удивленно замер. Ниже ворота торса вампира все еще покрывали бинты. Кристина припомнила, как безоглядно она обнимала своего спутника на пляже, как прижимала его к себе, и ей сделалось дурно.

– Тебе больно, да?

– Нет, просто немного не по себе, – опущенное лицо Германа частично прикрывали упавшие на него волосы, но, даже не видя его целиком, Кристина понимала, что он врёт ей.

– Дай-ка я.

Она осторожно, без единого касания сняла с него рубашку и отбросила ее на стоящее рядом кресло, в котором немногим ранее сама провело ночь. Льняные брюки, стоило их расстегнуть, легко соскользнули на пол.

– Как я выгляжу? – с легкой улыбкой спросил Герман, ловя на себе изучающий взгляд девушки.

– Бывало и лучше, – честно ответила она.

Гематомы уже успели сойти, но обширная повязка на груди и розовый рубец на плече все еще служили живым напоминанием о случившемся.

– Не волнуйся, я буду в порядке.

– Когда?

– Скорее всего, уже утром. Мне просто нужно как следует выспаться.

Он подошел к кровати и лег под одеяло, неся себя осторожно, словно хрупкий сосуд, оберегая раны от неловких движений. Кристина сбросила с себя платье и направилась следом. Когда она подкатилась и слегка прижалась к спине Германа, он блаженно застонал сквозь уже подступающий сон.

– Не больно?

– Даже если и больно, – его ладонь нашла руку Кристины и положила поперек перебинтованного торса, притягивая девушку ближе, – я все равно хочу чувствовать, что ты наконец-то рядом со мной.

Кристина нежно поцеловала его в плечо и прикрыла глаза, засыпая.

Она проснулась ближе к обеду. Настенные часы показывали без четверти два, и постель рядом с ней уже пустовала. На полу валялся оброненный ватный тампон, бурый от запекшейся крови. Кристина быстро встала, оделась и направилась вниз.

Алекс и Герман беседовали о чем-то, сидя на диване в гостиной, но замолкли, едва слышав приближающуюся гостью.

– Доброе утро, моя радость, – наследник рода засветил самую жизнерадостную из всех своих улыбок.

– Ты снял бинты?

Его улыбка стала чуть менее широкой.

– Да, они мне больше не нужны. Я уже в норме.

– И ты его не остановил? – Кристина перевела взгляд на Алекса, но тот только молча пожал плечами.

Тогда девушка подошла к Герману вплотную и с легким нажимом коснулась того места, где еще ночью была повязка. Тот оставался спокоен. Она надавила сильнее, но бессмертный даже не поморщился.

– Видишь? Я в полном порядке. Ну что, раз уже все встали, может, пообедаем? Алекс, найди отца, он где-то на другой стороне сада.

Младший брат с готовностью поднялся с дивана.

– Я мигом.

– Не торопись.

Когда Александр покинул гостиную, молодые люди остались наедине.

– Ну что, пойдем пока накроем на стол? – спросила Кристина.

– Нет, подожди.

Герман выглядел каким-то слегка растерянным.

– Что такое?

– Ничего, просто... У меня к тебе есть небольшое дело. Вернее... Я понимаю, момент сейчас не самый подходящий, и в последнее время и без того произошло множество событий, но все же...

Он запустил руку в карман своих брюк и достал оттуда небольшой бархатный футляр. Крышка открылась с глухим щелчком, внутри на белой атласной подложке поблескивало кольцо.

– Кристина, я хочу просить тебя... выйти за меня.

Она опешила, как если бы на улице из-за угла ее неожиданно ударили по лицу перьевой подушкой.

– Замуж? – только и смогла от неожиданности выдохнуть девушка.

– Именно. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – его темные глаза с волнением перебежали от одного значка избранницы к другому, пытаясь угадать ответ. – Что скажешь?

Кристина перевела взгляд с кольца на самого Германа. От нахлынувших на нее чувств она не находила, что сказать. В это время на входе в гостиную послышались голоса, и через мгновение появились Алекс и Влад. Застав немую сцену, они оба замерли.

– Так что ты скажешь, моя радость?

Дольше молчать было просто нельзя.

– Да... наверное, – Кристина неловко улыбнулась собственному ответу, выдохнула и ответила уже твердо: – Конечно же, да! Я выйду за тебя, Герман Мареш.

Взволнованный и счастливый, Герман вытащил кольцо из футляра и осторожно надел на палец своей невесты. Украшенное крупным бриллиантом, оно сверкало и притягивало взгляд, играя множеством причудливых граней.

– А ты говорил, торопиться не стоит, – послышался бодрый голос Владислава Мареша. – Мы чуть не пропустили все самое интересное!

Кристина видела, как на нее смотрят все собравшиеся, и оттого смущение не покидало ее. К счастью пышные поздравления Влад и Алекс оставили при себе, и было решено просто направиться в столовую и пообедать, как и планировалось изначально. Герман все же открыл по случаю бутылку вина. Когда легкий обед из тушеных овощей стоял перед Кристиной, а вино было разлито по бокалам, Мареш-старший коротко произнес:

– Когда чего-то очень долго ждешь, и это, наконец, происходит, все слова, подготовленные для торжественного случая, как-то сами собой меркнут, не способные выразить радость

в полной мере. Кристина. Дорогая моя, – он перевел задумчивый взгляд на девушку, – сегодня я не менее счастлив, чем мой сын.

– Чем старший из двоих твоих сыновей, папа, – негромко поправил его Герман.

Алекс только смотрел на вино в бокале, не говоря ни слова на реплики отца и брата. Владислав кивнул, принимая поправку.

– Да, верно. Так когда же мой старший сын намерен праздновать свадьбу и где хочет провести медовый месяц?

Герман пригубил вино из бокала и ответил:

– Думаю, на подготовку понадобится пара-тройка месяцев, но надолго откладывать мы не станем, так ведь? – он встретился взглядом с Кристиной, которая мягко ему улыбнулась, все еще не способная от удивления сказать что-нибудь внятное. – Что касается медового месяца, то он начнется уже завтра.

Алекс поперхнулся вином. Брови девушки удивленно вспорхнули вверх, как две встревоженных птицы. Владислав молчал и внимательно смотрел на старшего сына.

– После того, что случилось, медлить мне кажется неразумным. Завтра же мы уедем. Я намерен заняться обучением Кристины. Она медленно и верно обращается, и я хочу помочь ей раскрыть и познать свой потенциал в качестве бессмертной. Чтобы она была готова...

– К чему, позволь узнать? – поинтересовался Влад.

– К чему угодно. Я хочу, чтобы Кристина все знала и все умела. Я не готов поставить ее под удар так же, как мать.

Лицо Владислава накрыла тень, он негромко и твердо ответил:

– Твоя мать была подготовлена не хуже меня и тебя, и ты знаешь это. Просто она была...

Она слишком сильно любила людей.

Повисло тягостное молчание. Кристина осторожно спросила:

– Что это значит?

Отец и сын ничего не ответили ей. Первым голос подал Алекс:

– Она не пила человеческую кровь. Пила звериную или вовсе морила себя голодом.

– Это не правда. Она пила и человеческую кровь тоже, – не без усилия отозвался Герман.

– Да, но только, когда вынашивала тебя. А потом снова перестала и обходилась кровью свиней и коров со скотобойни.

Глаза девушки округлились от удивления.

– И что, вампир может так жить?

– Да.

– Нет!

Алекс и Герман ответили одновременно. Младший брат замолк после громкого возгласа старшего.

– Нет, Кристина, – повторил Герман. – Так жить нельзя.

– Почему ты так говоришь ей? – негромко спросил Алекс.

– Потому что это правда! – наследник рода терял терпение. – Вампир не может так жить, это не жизнь, а выживание. Мама была очень доброй, излишне человеческой по отношению к людям, и поэтому... очень слабой, – последние слова дались ему тяжело. – И мы потеряли ее из-за этого. Но я не позволю, чтобы что-то подобное повторилось.

– Но ведь они все мертвы, – Кристина переводила взгляд с одного лица на другое, обходя глазами всех мужчин за столом, пытаясь понять. – Там на улице никто не выжил. Ты убил их всех, разве нет?

Владислав задумчиво посмотрел на полупустой бокал, затем медленно проговорил:

– Никогда нельзя быть уверенным до конца. Горький опыт показал, что во тьме кроме нас могут прятаться и другие демоны. Что ж, Герман, наверное, ты прав. Поезжайте. Оставьте нам все необходимые рекомендации по подготовке вашей свадьбы, я начну все сам, а вы подклю-

читесь позднее. Все же платье без Кристины мы выбрать не сможем, – он улыбнулся девушке. – Правда, дорогая?

– Да, видимо, так.

– Мне ехать с вами? – спросил Алекс. – Может быть, тебе понадобится какая-нибудь помощь? – он смотрел на старшего брата глазами, какие бывают у верного пса, видящего, как его хозяин собирается в дорогу. – Я мог бы...

– *Мне* понадобится помощь, – перебил его Влад. – У нас с тобой куча дел теперь.

– Да, Саш, мы справимся сами.

Алекс молча осушил свой бокал одним большим глотком, отчего уголки его губ кисло дернулись книзу, и уставился в тарелку, где овощное рагу уже успело совершенно остыть. Герман незаметно под столом взял Кристину за руку.

– Не волнуйся, моя радость. В ближайшие несколько недель нас ждет масса всего интересного. Возможно, что-то из этого тебе даже понравится.

Глава 4

В доме отца, боярина Янаке, все было так же, как помнилось Эржбете до замужества. Только в главном зале народу прибавилось. Дружки ее брата Марку, считавшиеся дружиной, охраной и защитой, а на деле пившие ночи напролет, до сих пор лежали вповалку кто на полу, кто на лавках. Немногие из них смогли продрать глаза на рассвете и отправиться на подмогу Эржбете вместе с ее отцом и братом.

Когда немногочисленные всадники встретили молодую боярыню, спустившуюся к ним с холма, отец ее, ехавший самым первым, тотчас же спрыгнул наземь, едва его лошадь успела остановиться. Он помог дочери слезть с ее рыжей кобылы и расцеловал ее горячо, по-стариковски.

– Цела... дочка... Мы уж думали, беда случилась.

– Случилась, отец, – негромко ответила девушка. – Повозка в овраг сорвалась, кони испугались.

– Чего?

– Оленя. Должно быть, волки гнали его из чащи, он перед нами на дорогу и выскочил. Кучер и служанка моя – насмерть затряхнулись. Я только и выжила, да еще вот кони.

Седой старый Янаке внутренне дрогнул и, чтобы унять эту дрожь, еще раз крепко прижал к себе свое младшее дитя.

– Живая, черт ее дери! Говорил же, ничего с ней не случилось, – Марку не спешиваясь взлохматил волосы Эржбеты, потрепав ее по голове в знак приветствия. – Тебя беда всю жизнь стороной обходит, да сестричка?

Боярыня отступила от отца и прямым взглядом посмотрела на брата.

– Здравствуй, Марку.

– Ну, здравствуй, прелестница!

Мужчина одной рукой подхватил девушку с земли так ловко и быстро, что от неожиданности она взвизгнула, и посадил перед собой на луку седла.

– Рад тебе! Не изменилась совсем за годы, – он крепко прижал ее к себе, зарывшись лицом в распутившиеся косы сестры. – Ну что, поехали домой. Возьмите ее лошадь, сестру я отвезу сам. Да пошлите людей в овраг тела привезти, чтобы похоронить, да добро, какое там ни осталось, сюда доставить.

– Нет там ничего, – негромко проговорила Эржбета, прижимая к груди тяжелый ларец.

– Да и трупов там, считай, нет уже, сожрано все давно. Волков расплодилось... Тьма! – Марку взбодрил лошадь пятками. – Ну, вперед! Пшел!

Резвый конь понес двоих всадников к дому.

Заехав во двор, Марку осторожно спустил сестру наземь, слез сам и отдал коня подошедшему мальчику-конюшонку. Эржбета одной рукой неуклюже взялась поправлять сбившееся от езды платье.

– Давай помогу, – Марку коснулся ларца, который девушка зажала под мышкой.

Он принял ношу и улыбаясь смотрел на знакомую фигуру сестры. Когда та привела себя в порядок и потянулась за ларцом, брат сказал:

– Да не бойся ты так. Мы же тебе не чужие! Приберу я твою поклажу, надежно, уж ты не беспокойся. Ну, ступай за мной, посмотришь, как мы тут жили без тебя.

Семья боярина Янаке жила так же, как и пять лет назад. Эржбете выделили ее старую комнату, в которой все осталось за годы на своих местах. Даже ее прежняя служанка Маришка была по-прежнему в доме. Бывшая молодой девчонкой в момент отъезда своей госпожи, теперь она превратилась в цветущую и пышущую красотой русоволосую девушку. При виде Эржбеты

она охнула, зажала рот ладонями, и серебряное блюдо, которое она до того держала в руках, с шумом грохнуло об пол.

– А ты все такая же дуреха, – с улыбкой в шутку обругала ее молодая боярыня, после чего крепко обняла.

– Служить при ней будешь, как и раньше, – бросил Марку и удалился, оставив девушек наедине.

Весь остаток дня они провели в хлопотах. Эржбета заново обживалась в своих покоях, Маришка заправляла ей постель, натирала полы, убирала волосы и переодевала ее, без устали расспрашивая о житье и порядках в доме покойного мужа и о случившемся в пути происшествии.

– Да я-то хорошо жила там, ты-то тут как без меня? Не обижали тебя?

– Нет, что ты! Господа меня любят. Боярин Янаке слова грубого никогда не скажет.

– А Марку? – серьезно поинтересовалась Эржбета.

– И Марку, – коротко ответила служанка, при этом опустив глаза и густо покраснев.

Госпожа, которой она в тот момент прибирала волосы, строго уставилась на нее в зеркало.

– Чего это ты? Или брат мой приглянулся?

– Все любят молодого боярина, – смущенно улыбнулась Маришка.

– Только не все знают, каков он из себя на самом деле. Смотри мне, не вздумай к нему приближаться или подпускать его к себе. Держись меня лучше, а чуть что, мне же первой и говори. Я теперь твоя главная заступница в этом доме, как и прежде, поняла меня?

Девушка кивнула.

– Поняла.

– Ну, тогда ступай, – Эржбета забрала у Маришки из рук кончик своей темной косы и сама заправила его в прическу. – Дальше я управлюсь без тебя.

К ужину в небольшую залу боярыня спустилась нарядно одетая. Только украшений на ней было не много. Пальцы, привычные к крупным кольцам, теперь выглядели непривычно голыми.

– Марку, где мой ларец?

– Вот бабы! Она чуть не убилась, а все за цапки свои переживает, – Марку сделал щедрый глоток вина и отставил в сторону украшенный камнями кубок. – Цело твое барахло, будь спокойна. Только на что оно тебе сейчас? Ты при нас, в кругу семьи. Чего рядиться? Или это в доме мужа тебя научили всюду ходить, разодевшись павою?

Марку громко засмеялся собственной остроте, и отец тоже усмехнулся его словам. Кроме них троих и прислуги, подававшей на стол, в зале не было больше никого. Только поленья трещали в горячо дышащем очаге. Зато в большом зале слышался смех и, судя по всему, царило куда большее оживление. Дружина ее отца и брата вновь веселилась.

– Что они празднуют там?

– Как что?! Твое возвращение, конечно же. Они рады, что с тобой все благополучно, а я не вправе запретить им радоваться.

Марку снова отпил из кубка в то время, как старый Янаке налегал на жаркое из овощей со свиным мясом.

– Кстати, сестрица, – брат вдруг с большим интересом посмотрел на Эржбету, – мои люди говорят, что сбруя с коней была срезана.

Девушка спокойно отпила вина из своего кубка и ответила:

– Я ее срезала. У кучера нашелся нож, им я и высвободила лошадей.

Марку нахмурился.

– Троих лошадей. А четвертую что же, тоже ты прирезала?

– Нет, – Эржбета выбирала в тарелке куски порумянее. – У меня рука не поднялась. Я оставила ее издыхать там.

– Однако же когда мои люди приехали, кобыла была зарезана. Уже обглодана основательно, конечно. Волки славно попиروвали там ночью, но все же видно, что ее кто-то прирезал.

– Наверное, кто-нибудь шел мимо по дороге и пожалел ее.

– А нож ты куда дела? – Марку продолжал внимательно изучать лицо сестры.

– Там же и бросила. На что он мне?

– Странно, но ножа в овраге не нашли.

– Должно быть, его прибрал тот, кто лошадь прирезал, – девушка отломил кусок свежего хлеба и макнула его в мясной сок у себя в тарелке.

Боярин Янаке откашлялся и проговорил:

– Ну что это за разговоры?! О ножах и о падали! Нельзя ли поговорить о чем-то повеселее? Марку, что ты молчишь? Рассказал бы сестре радостную новость.

Рука Эржбеты крепче сжала вилку с затейливой витой рукояткой.

– М-да, – протянул молодой боярин, – ну что ж, сестричка, тебя можно поздравить. Ты вот все справляешься о своем драгоценном ларце, а между тем он тебе больше не понадобится.

Девушка плотно сжала губа и затаила дыхание, пристально глядя на брата.

– У тебя скоро начнется по-настоящему счастливая жизнь, и таких цацек, какие тебе достались после смерти Негоицы, у тебя будет еще поболее.

Янаке снова откашлялся и с расстановкой сказал:

– Твой брат Марку нашел тебе нового мужа, Эржбета.

Вилка выпала у нее из руки и глухо стукнула о деревянный стол.

– Как... мужа?

– А что тебе вдовствовать? Ты вон какая у нас, красавица! Такую красоту негоже томить взаперти отчего дома. Да и мужа я тебе подыскал такого, что лучше не придумаешь.

– Кого? – голос девушки звучал глухо, будто со дна кувшина.

– Да ты знаешь его! Драгомир, сосед наш. Сын Василе.

Эржбета отодвинула от себя тарелку и выпрямила спину.

– Я не пойду за него.

Отец и сын переглянулись.

– В уме ли ты, милая? – спросил Янаке. – У них хороший знатный род...

– Да что род?! – вмешался Марку. – Богатые земли! А сколько добычи привез Василе с сыновьями из последнего похода? Другие привезли мертвецов и кости, а они привезли золото и серебро!

– Я не пойду за него, – повторила девушка. – Довольно я нажилась в чужом доме, где про каждый мой шаг служанка доносит матери мужа. Где нет ни друзей, ни защиты от злых языков и завистливых глаз. Я вам не свиной окорок, чтобы торговать меня первому встречному, как на базаре!

– Дочка, Драгомир не первый встречный.

Эржбета сверкнула глазами.

– Значит, самому богатому!

После этих слов Марку так хлопнул ладонью об стол, что кубки и прочая посуда подпрыгнули в воздух.

– Так, ну-ка хватит! Ты выйдешь за него, я сказал! Свадьбу сыграем уже по первому снегу.

– Не выйду, – негромко, но твердо повторила девушка и плотно сжала губы.

– Молчать! – тарелки снова подпрыгнули на столе, вино разлилось. – А ну пошла в свою комнату! Хватит тебе пить тут с нами, от вина ты, видно, совсем потеряла совесть и всякий стыд!

Девушка оставалась на месте. Марку вскочил так, что лавка, на которой он сидел, опрокинулась на пол.

– Пшла, я сказал! Вон пошла!!!

Старый Янаке сокрушенно молчал. Эржбета встала и, не опуская глаз, с высоко поднятым подбородком прошла мимо разгоряченного брата к выходу. Когда фигура девушки скрылась в коридорах дома, Марку поднял скамью, сел, налил себе еще вина и, выпив, сказал:

– Она выйдет замуж. Будь спокоен, отец. Для нее одна дорога – замуж за Драгомира, как ему и обещано. Иначе – постриг и монастырь. А Эржбета никогда не позволит состричь ее толстые косы. Так что свадьбе быть, ты уж мне поверь.

Листья с деревьев уже начали опадать, а горе-невеста все также стояла на своем. Марку хотел поначалу запереть сестру в ее комнате, но потом отказался от этой затеи.

– Пока Драгомир с братьями гостит у нас, пусть лучше она ходит по дому. Покорная или нет, она все равно чертовски хороша. Видя такую красоту, жених уж точно от нее не откажется.

Драгомир, высокий и статный молодой боярин, и вправду глаз не сводил со своей будущей жены и старался подгадать и лишний раз встретить ее то в большом зале, то на дворе. Девушка же старалась чинить ему в этом все возможные препоны, ходила по дому с оглядкой. Верная служанка Маришка стала теперь ее глазами, сообщая, где сейчас Драгомир и чем занят. Эржбета ухитрилась в собственном доме стать для названного жениха призрачной тенью, едва видимой и неуловимой.

Так продолжалось до тех пор, пока одним тусклым морозным утром, когда опавшие листья уже покрылись тонкой корочкой льда и хрустели под ногами и копытами лошадей ранних путников, во двор боярина Янаке не въехал со своей свитой неожиданный гость.

Один из дружинников, крепко пивший с вечера и едва продравший глаза, когда увидел того, кто спешил с коня на дворе у его боярина, побежал по дому, как был, в одном сапоге.

– Марку, поднимай отца скорее! – с безумными глазами он тряс младшего боярина за плечо, стараясь разбудить. – Господарь наш во дворе!

– Кто-о-о? – спросонок Марку плохо соображал.

– Влад! Дракула... сам! Во дворе!

Марку подскочил, подбежал к небольшому запыленному окну и, увидев на подворье непрошенных гостей, завертелся, точно уж на углях. Вскоре весь дом гудел, словно растревоженный пчелиный улей.

Спустя совсем немного времени в большом зале господаря Валахии уже со всеми почестями усаживали за стол. Сюда же с кухни и из кладовых в большом разнообразии несли наспех приготовленную снедь. Владислав от всего отказался кроме крепкого и густого красного вина. Старый Янаке, севший рядом с ним, помрачнел от такой сдержанности знатного гостя и весь как-то подобрался, будто ожидая недоброго. Марку, сидящий рядом с отцом, был насторожен, точно кот на охоте. Он внимательно осматривал свиту господаря и его самого и хранил напряженное молчание.

– Вижу, с соседом ты помирился, наконец, – сказал вдруг Владислав и немного пригубил из кубка. – Сына его старшего приметил здесь у тебя мельком. Гостит?

– Точно так, гостит. С братьями. Эй, кто там есть? Позвать Драгомира сюда к нам! – как ворон прокаркал Янаке осипшим от страха голосом.

– Не надо, – Влад поморщился и махнул рукой. – Я здесь не за этим.

Старый боярин набрался смелости и осторожно спросил:

– А зачем же, если не тайна? Не ожидал я такой чести, если признаться. Чем обязаны, господин наш?

Влад отставил в сторону початый кубок и поднял на Янаке большие и темные глаза. Блестящие, как вода на дне глубокого колодца, они не выражали ничего и не выдавали мыслей и чувств своего хозяина. Он спокойно проговорил:

– Дело у меня к тебе есть.

- Да что ж за дело? Видно, срочное, раз ты сам пожаловал и даже не предупредил...
- Не срочное, но важное. Возвысить я хочу тебя и весь твой род.

Янаке и Марку взволнованно переглянулись, Владислав продолжал:

– Слышал я, что есть у тебя дочка. Красивая необычайно. И знаю я, что овдовела она недавно, мир праху мужа ее. Надумал я жениться и хочу просить у тебя ее руки.

В зале повисло напряженное молчание. Спутники князя перестали жевать, почуввав важность момента. Сам Влад прямо и пристально смотрел на старого боярина. Тот молчал, затем громко сглотнул, и его кадык подскочил вверх и вниз под тонкой кожей старой морщинистой шеи. Тишину нарушил его сын. Марку выпрямился и ответил:

– Прости меня, господарь наш, и отца моего, и весь наш нечестивый род, но мы не можем согласиться на твою просьбу.

Владислав смотрел на него, не меняясь в лице, оставаясь все таким же спокойным, и Марку продолжил, стараясь придать голосу как можно большую твердость.

– Виной отказу не гордыня и не злоба. Мы не хотим и боимся обидеть тебя, но сделать по твоему желанию никак нельзя. Эржбета обещана уже другому, – он сделал паузу, набрал в легкие воздуха и выпалил: – Драгомир, наш сосед, станет ее мужем.

Марку не верилось, что он смог это сказать. Янаке внутренне сжался, ожидая ответа господаря, однако тот просто осушил кубок и стал подниматься из-за стола.

– Не вели казнить, но мы слово дали! Не в обиду тебе! Простишь ли нас? – старый боярин походил на избитого пса, подскочив и идя следом за князем, направляющимся к выходу.

– За что прощать? Вы ни в чем не повинны передо мной, – Владислав не смотрел в его сторону.

– Так зачем же так быстро уходишь? Отобедал бы с нами, как следует. Такая радость принимать тебя у нас в доме...

– Хорошего понемножку. Да и дела у меня. Рад был повидаться, старый друг, – он всего на миг посмотрел на боярина и похлопал его по плечу. – Сильно ты, однако же, постарел.

– Зато ты ничуть не изменился со дня, как я тебя видел. Годы, видно, обходят тебя стороной.

– Да, – бросил Влад. – Ну, прощай!

Также быстро, как появился, князь со своей свитой исчез, оставив старого Янаке в тяжелых думах и сомнениях.

Внезапно в большой зал вбежала, полыхая глазами, Эржбета. Она быстро огляделась и выпалила:

– Уехал?

– Уехал, – ответил отец.

– А приезжал зачем?

– За тобой, – Марку тяжело опустился за стол и, налив себе вина, разом осушил кубок.

– Как за мной?

– Жениться он почему-то надумал. Вот, тебя в жены хотел.

Глаза девушки победно засияли.

– А вы что же?

– Что? – переспросил Марку, ехидно оскалившись. – А вот что! Ты Драгомиру обещана, так я ему и сказал.

Эржбета побледнела, будто увидела труп, затем глаза ее сузились до опасных щелочек, и она проговорила:

– Он всех вас порубит на куски, а куски насадит на колья и выставит за ограду. Что же вы сделали...

Лицо брата накрыла тень, он налил себе еще вина и снова выпил его одним махом.

– Не порубит. А если и так, то мы все равно слово свое сдержим. Я обещал тебя Драгомиру, и ты станешь его женой.

Внезапно Эржбета запрокинула голову и захохотала так, что служанка, убиравшая со стола лишнее, вздрогнула. Все взгляды устремились к молодой боярыне, а та, отсмеявшись, сказала:

– Да Драгомир твой вернет меня домой с позором или велит забить камнями сразу же на утро после свадьбы! Ты сам себе вырыл яму, братец. Скоро твое слово ничего не будет стоить, как и слово любого из нас.

Марку молчал и слушал сестру, во все глаза глядя на нее, точно обезумевшую от своего вечного упрямства. Эржбета продолжала говорить, улыбаясь ему:

– Ты что думаешь, случайно Влад приехал сюда? Нужна я ему была сто лет! Он же и не видал меня никогда, так?

Марку ничего ей не ответил, но глаз с нее не сводил.

– Так да не так! – выкрикнула девушка. – Кто коней из упряжи срезал? Кто меня ночью волкам разорвать не дал и к самому дому вывел? Да я вся уже его была еще тогда, а ты у него, у господаря своего, кусок из горла вырвал и теперь другому думаешь просватать! – она смотрела на брата с радостью безумца. – Быть твоей голове насаженной на пику, а моей вместе с ней, но бог мне судья – я ни о чем не жалею!

В этот момент Марку сорвался из-за стола, подбежал к ней и со всего маху ударил ее ладонью по щеке.

– Ах ты!

Эржбета упала на пол, но опомнившись через мгновение, снова засмеялась.

– Бей не бей, братец, а ничего теперь не исправишь. Что было, то было.

Марку весь буквально горел от ярости. Он схватил девушку, силой поставил на ноги и поволок к ее комнате, крича:

– В монастырь! В монастырь у меня поедешь, там и сгниешь! Сука блудливая! В монастырь навечно!

Она не сопротивлялась, продолжая смеяться его угрозам, потеряв то ли рассудок, то ли страх. Марку бросил девушку на кровать в ее покоях, и дверь за ним закрылась. Эржбета полежала немного, приходя в себя, затем осторожно встала и подошла к окну. Группа всадников скакала вдаль по направлению к лесу, и боярыне показалось, что она явственно узнает одного из них, едущего на резвом вороном жеребце впереди остальных.

Глава 5

Уже на борту частного самолета семьи Мареш Герман передал Кристине пакет. Открыв его, она увидела внутри джинсы, свитер с высоким воротом и теплые ботинки.

– Куда мы летим?

– Туда, где холодно, – ответил он.

Через несколько часов они приземлились в аэропорту Анкориджа. Спускаясь по трапу, Кристина чувствовала себя вполне комфортно в своей новой одежде. Здесь, на севере Аляски, уже всю хозяйничала осень.

– Весьма неплохо, – улыбнулась девушка, пряча глаза за стильными солнцезащитными очками, прилагавшимися к ее новым вещам. – Ну, куда теперь направимся?

– Туда, – Герман рукой указал на горную гряду, покрытую снегом, которая возвышалась за городом, как поросшая лесом белая стена.

Вертолет уже ждал их тут же. Как были, налегке, без вещей, они погрузились и снова взмыли ввысь. Кристина восхищенно припала к стеклу и наблюдала, как аэропорт уменьшается и удаляется от нее, как под ними проплывает незнакомый большой город, и как впереди вырастают заснеженные горные пики.

Они высадились на небольшой естественной площадке, которую обступал лес, высоко в горах. Из рта у Кристины шел пар, а когда она спрыгнула на землю, то ноги в новых ботинках ушли в снег почти до колен. Солнце скрылось за густыми облаками, и стало совсем холодно. Однако Герман, одетый также легко, в свитер, джинсы и кожаные ботинки с высоким голенищем на шнуровке, не обращал внимания на пронзительный ветер и мороз. Он взял свою спутницу за руку и пригласил отойти к ближайшим елям, стоящим у края поляны и укрытым свежими снежными шапками. Когда вертолет снова взлетел, их обдало снежным вихрем от его винтов с такой силой, что девушка на время задержала дыхание и отвернула лицо. Рыжеватые пряди летели по ветру, ловя снежинки, а их хозяйка жмурилась. Герман не сводил глаз с железной птицы, а когда та унеслась прочь, снял очки, на которые налипло немного снега, и спрятал их в карман.

– Ну, ты готова?

– К чему?

– Двигаться дальше.

– Мы что, все еще не на месте? – спросила Кристина, уставшая за время перелета.

– Мы *почти* на месте. Но предлагая двигаться дальше, я не имел в виду географию, – он хитро улыбнулся и пошел вглубь леса выше по склону.

– Ты же не хочешь сказать, что моя подготовка начнется прямо сейчас, правда?

Он молча шагал вперед рядом с ней.

– Герман! Расскажи мне, что ты задумал, я хочу знать.

– Ладно.

Он отодвинул с их пути большую еловую ветку и вежливым жестом пригласил Кристину идти вперед.

– Итак, я взялся готовить тебя и сделаю это так, как когда-то это делал мой отец. То, что я без труда смог пройти через испытания, доказывает, что и тебе это под силу.

– Испытания? Какие еще испытания? – лицо девушки приняло удивленное и одновременно встревоженное выражение.

– Три испытания. Их могло бы быть и больше, но мне кажется, трех будет достаточно, а остальные таланты ты сможешь как-нибудь раскрыть сама, и это будет твое личное приятное путешествие. Ну а я преподам тебе три урока, которые призваны раскрыть в тебе навыки, в дальнейшем способные спасти жизнь.

Кристина энергично шла рядом, чувствуя, что понемногу согревается.

– И что это будут за уроки? – вместе с облачком пара выдохнула она.

– Увидишь. А пока, – вампир вывел ее к безлесому склону, круто уходящему вниз, а затем снова поднимающемуся, шетинясь густым ельником, – следуй за мной и постарайся не отставать.

Внезапно Герман спрыгнул с ровного края на склон, проехал немного, поднимая ботинками снежные брызги, и стремительно побежал.

– Эй! Эй, стой!!!

Кристина замерла на мгновение в растерянности, но затем тоже ступила на спуск. Она сделала несколько шагов, стараясь не упасть, но в итоге поскользнулась и кубарем покатилась вниз. Перед глазами мелькали то заснеженная земля, то серое небо. Очки, снятые и убранные в карман, кажется, хрустнули. Пролетев кубарем метров двадцать, ей все же удалось остановиться. Снег был теперь везде: в волосах, за шиворотом, в карманах и даже в бюстгальтере. Слегка покачиваясь, Кристина встала на ноги и чертыхнулась. Герман был далеко внизу. Он быстро и ловко бежал вперед, кажется, не замечая ни крутого наклона, ни сугробов и выступов скалистой породы, похожих на черные зубы, торчащие из белых десен горы. Только на миг он остановился, обернулся и, помахав своей спутнице рукой, крикнул:

– Торопись!

Его голос отразился от склона и затерялся где-то в заснеженном лесу позади нее. Кристина собиралась крикнуть ему что-то в ответ, но Герман уже последовал дальше одному ему известным маршрутом. Злость и досада пробежали, как туча, по ее лицу. Она сорвалась с места вниз, но прежде, чем снова опрокинуться, ее ноги метнулись по снегу вперед. Она бежала быстрее, чем падала. Звук, с которым ее ступни опускались в снег, был похож на частый шорох, на стук сердца очень маленького испуганного зверька.

Кристина стремительно летела вниз с быстротой, не свойственной ни людям, ни животным. Когда она достигла конца склона, Герман уже затерялся где-то в ельнике, уходящем вверх. Девушка замерла и прислушалась. Легкие жадно наполнялись морозным воздухом. Голые руки и щеки слегка покусывал мороз, но холода она не ощущала. Впереди послышался тихий звук чьего-то присутствия, снег сорвался с задетой ветки, и Кристина побежала в этом направлении. Подъем давался ей тяжелее спуска, но все равно, стремясь нагнать своего спутника, она развила скорость, которой мог бы позавидовать любой олимпийский спринтер. Впереди мелькнул свитер Германа, а затем деревья расступились у края нового склона. Она видела, как молодой бессмертный на бегу соскочил вниз и исчез за краем обрыва. Подбежав, она едва уловила его стремительно летящую фигуру. Он несся по снегу едва ли не со скоростью пущенной стрелы. Кристина бросилась за ним, прыгнула и, едва ее ноги коснулись поверхности сугробов, побежала вниз так быстро, что перестала различать движения собственных ног. Казалось, она летела над землей, едва касаясь ее.

На дне небольшой долины, расположенной высоко в горах, покоилось маленькое горное озеро, покрытое льдом. Рядом располагался рубленый из бревна охотничий домик. На его крыльце Герман и ждал свою невесту. Она влетела туда со всего маху, пораженная собственной быстротой. Если бы Герман не поймал ее, то девушка неминуемо впечаталась бы в стенку.

– Ну, тише, – он рассмеялся и закружил ее, переступая по доскам веранды, поскрипывающим от мороза. – Теперь тебе неплохо бы научиться тормозить.

Она ошалело подняла на него глаза, полные почти детского восторженного испуга.

– Я так быстро бежала! Ты видел? Так быстро!!!

Девушка буквально повисла у него на руках, колени задрожали от внезапной слабости.

– Так, осторожно, – он помог ей твердо встать на ноги и повел за собой вниз по ступенькам на снег. – Смотри. Вот это мои следы, – он указал рукой на неглубокие отпечатки в сугробах. – Здесь я уже тормозил. А вот это, видимо, твои.

Он ткнул пальцем в место, где ничего нельзя было разобрать. Только слабая бороздка разметенного скоростью снега без единого намека на отпечаток. Кристина села рядом с тем местом, где только что пронеслась, точно пуля, и проговорила.

– Я теперь как легконогий эльф. Как Леголас, мать его! Могу передвигаться по снегу, не проваливаясь.

– Да уж, Толкин не врал в своих книжках.

Герман направился к дому.

– Как думаешь, может, он знал что-то такое? Про вас...

Она направила следом.

– Ты хотела сказать «про нас»? Кто знает, может, и знал. А как бы тебе хотелось думать? Вампир возился с замерзшей дверью, никак не желавшей открываться.

– Мне бы хотелось, чтобы Толкин был бессмертным. Тогда я могла бы встретиться с ним и задать парочку вопросов.

Ключ в замке провернулся, Герман налег плечом, и примерзшая дверь отошла и открылась. Он зашел внутрь. Кристина последовала за ним и, зайдя, не сдержала восторга.

– Ух ты!

Охотничий домик был обставлен по всем традициям. Оленьи рога на стенах в прихожей служили вешалкой для одежды. В камине на крючке висел котелок для приготовления пищи, а перед ним на полу был расстелен цветастый ковер с длинным ворсом и кистями по краям. Вокруг стола, грубо сколоченного из толстых досок, вместо стульев стояли отшлифованные и покрытые лаком колоды⁹, а на них сверху просто были брошены вышитые пестрые подушки.

В доме было почти также холодно, как и за его пределами. Похоже, что жилище долгое время пустовало.

– Это еще одна ваша тайная резиденция?

– Вроде того, – ответил Герман, прохаживаясь по комнате, бывшей одновременно и кухней, и столовой, и гостиной. Не найдя дров, он вернулся к двери, надел висящую у входа оставленную кем-то теплую куртку и направился на улицу. – Накинь что-нибудь, чтобы не замерзнуть. Пока дом протопится, пройдет пара часов.

Он исчез в проеме. Свет пасмурного дня из сероватого начинал превращаться в бледно-розовый. Солнце садилось, и закат раскрашивал оконные стекла с западной стороны. Кристина подошла к вешалкам. На крючках и оленьих рогах висела припасенная для внезапных гостей верхняя одежда. Девушка раздвигала и осматривала ее и, наконец, остановила свой выбор на чем-то, похожем то ли на дубленку, то ли на тулуп. Странное пальто было пошито из черной овчины нестриженным мехом внутрь. Оно доходило гостю до колен, а рукав был длинноват. Кристина завернула его под себя, получив кудрявые косматые манжеты. Натуральный ворс, поначалу простывший и холодный, наполнялся от ее тела приятным теплом и сам начинал понемногу согревать.

С большой охапкой дров вернулся Герман.

– Как я выгляжу?

Она подняла высокий щекочущий воротник и покрутилась вокруг себя. Герман игриво склонил голову на бок и ответил:

– Как дикарка.

Он сел к камину и начал разводить огонь. Кристина плюхнулась на диван рядом и стала наблюдать за процессом. Наследник рода действовал ловко, будто только этим и занимался в жизни. Он смял в комки несколько газетных листов и положил в центр очага. Девушка поймала себя на том, что впервые видит газеты на английском. Затем вокруг бумаги Герман шалашом расставил тонко наколотую для растопки щепу, и только потом в ход пошли поленья,

⁹ Колода – короткий отрезок толстого бревна, приспособленный для каких-либо целей: рубки дров или мяса, например.

от тонких к более толстым. Когда конструкция была голова, он достал спичку и, просунув ее внутрь, поджег бумажную сердцевину. Рыжий огонек лениво завоzilся в центре маленького деревянного шалаша, медленно разрастаясь и облизывая приготовленное для него угощение.

– Вуаля! – бессмертный поднялся с колен. – С одной спички.

– Где ты этому научился?

– У меня было трудное детство, – пошутил он в ответ. – На самом деле, нет. Если честно, я прожил тут как-то почти месяц. Должен был встретиться кое с кем, но погода испортилась, и я провел здесь в одиночестве двадцать семь дней. Снежный буран не позволял прислать за мной вертолет, а сам я вряд ли пешком добрался бы до цивилизации.

Кристина задумалась ненадолго, затем спросила:

– И чем ты питался все это время? То есть, я имею в виду, не как человек.

– Это хороший вопрос, – ответил бессмертный. – Человеку пришлось бы в чем-то прощсе. Здесь по шкафам полно еды вроде круп и консервов. Береги запасы дров, расходуй экономно провизию, и можешь быть уверенным, что все обойдется. Только крови здесь нет.

Девушка молчала и ждала продолжения. Герман поправил поленья в очаге и произнес:

– Первые две недели я не переживал об этом. Я был сыт и уверен, что метель не продлится так долго. Но потом стал слабеть, голод начал изводить меня, не давал спать и мешал думать о чем-то другом кроме пропитания. И тогда мне все же пришлось выйти на улицу, чтобы добыть для себя хоть что-нибудь. Я рассчитывал, что где-то поблизости все же есть еще один охотничий домик, в котором засел на время бури какой-нибудь несчастный. Но, к сожалению, не нашел ничего кроме замерзающего насмерть оленя. Для животных метель тоже стала испытанием. Хищники не могли охотиться, олени – пастись. Намело столько снега, что им было просто не докопаться до мха и травы. Этот олень уже лег в снег и засыпал, когда я наткнулся на него. Он просто замерз бы насмерть, если бы не я.

– И ты выпил его кровь?

– Да. Прямо там же, сел рядом на колени. Он даже не пытался бежать. Это было страшное время для всех, – Герман помолчал немного, глядя на все сильнее разгорающееся пламя в очаге. – Его тушу я взял с собой. Рога повесил на стену, а тело разрубил на куски и бросил недалеко от места, где находится волчье логово.

– Волки съели его?

– Не знаю. Шел такой снег, что мясо могло просто замести, но думаю, что все-таки они нашли его. Я положил куски очень близко от норы.

– И ты не боялся?

– Чего? – удивился Герман.

– Того, что они могут напасть? Ведь они сидели там, такие же голодные, как и ты сам.

Вампир улыбнулся и ответил.

– Меньше всего мне стоило бояться их.

– И что было дальше?

– Дальше я вернулся сюда, хотя и не сразу. Заблудился в лесу. Но когда уже ночью все же сумел найти этот дом, то просто затопил очаг и лег спать. Я старался спать как можно больше, чтобы не тратить силы. Еще я читал.

Кристина заметила небольшой стеллаж, забитый книгами. Герман проследил направление ее взгляда и добавил:

– Да, именно. Я прочел тогда их все.

– А потом? Метель просто кончилась?

– Да, но до этого было еще почти две недели. Я уже собирался снова идти искать какого-нибудь несчастного зверя, хотя понимал, что теперь шансы найти его живым стали еще меньше. И вот, когда я так решил и заснул до вечера, метель затихла. Проснулся я от шума вертолетных винтов – за мной, наконец, прилетели.

– То есть посадить вертолет с нами могли и здесь, поблизости?

– Могли, но тогда как бы ты прошла свое первое испытание?

Герман встал и направился в сторону кухни. Пока он что-то искал в шкафчиках, Кристина осмысляла сказанное.

– Выходит, это и было первое задание? Бег?

– Скорость, да, – он вернулся с бутылкой вина в одной руке и пакетиком приправ в другой. – Бессмертные могут двигаться поразительно быстро, и этот навык нередко спасает нам жизнь.

– Или приносит кому-то быструю смерть, – добавила девушка.

– Не без этого. Пойми, мы – верхушка пищевой пирамиды, совершенные хищники. И мы созданы так, что просто не можем обойтись без крови.

Говоря это, он наполнял вином котелок, висящий в очаге.

– Да, но ведь можно же пить кровь животных. Как это сделал ты, когда оказался запертым в этом доме, и как это делала твоя мать.

Герман отвлекся от своего занятия и посмотрел на Кристину каким-то на редкость серьезным взглядом.

– Даже думать забудь об этом. Сейчас наше существование и без того стало на редкость гуманным. Люди сами сдают кровь, а нам не нужно даже видаться с ними, чтобы получить этот необходимый минимум.

– Почему минимум? – не поняла Кристина.

– Потому что ничто не заменит настоящую охоту. Увидеть мысли и чувства жертвы, выпить и забрать их все, вместе с ее силой и жизнью – это и есть магия крови. Хотя убивать, в сущности, и не обязательно. Но только прямой контакт позволяет вместе с кровью получить как бы частичку души жертвы, ее невидимую энергию. И это уже не просто физиологический процесс питания, но и эмоциональное переживание.

– И тебе так необходим подобный чувственный опыт, что ты готов убивать ради него?

– Он необходим не мне, а каждому из нас, из таких, как я. Или ты думаешь, что если человеку позволить жить вечно, он это выдержит? Пойми, мы другие. У нас иное мышление, иное восприятие. И ценности у нас тоже иные.

– Выходит, для тебя не ценна человеческая жизнь и жизнь вообще?

Вампир посмотрел на нее долгим внимательным взглядом и ответил:

– Нет. Для меня жизнь – это нечто намного более ценное, чем ты можешь себе представить. Только бессмертный понимает, что такое эта самая жизнь и чего она стоит.

Кристина снова впала в молчаливую задумчивость. Герман тем временем засыпал в успевшее прогреться вино душистые пряности, и комната, наполнявшаяся теплом очага, задышала еще и пряным ароматом глинтвейна.

– Я все же не хотела бы никого убивать, – наконец сказала она.

– Как скажешь. Можно пить кровь и оставлять жизнь. Нужно только научиться стирать память жертвы о том, что случилось. Когда окрепнешь немного, я попробую обучить тебя и этому. Или попроси Алекса, он спец в таких делах. Наш самый главный гуманист, – Герман усмехнулся собственным словам.

– Я хотела бы попробовать пить кровь животных.

– Нет, это исключено.

– Почему?

Герман потерял терпение и ответил чуть грубее, чем следовало:

– Потому что я против этого. Ты дала согласие выйти за меня, а значит, стать частью меня самого.

Девушка посмотрела на обручальное кольцо, поблескивающее у нее на руке. Она pokrутила его вокруг пальца и вдруг сказала:

– Знаешь, кажется, оно начинает мне жать.

Молодой бессмертный тяжело выдохнул и сел рядом с ней на диван. Его лицо смягчилось.

– Послушай, я дам тебе попробовать кровь животного, просто чтобы ты поняла разницу. Это не намного лучше, чем голод. Она не дает сил, только небольшую отсрочку. Хуже того, такая диета угнетает некоторые функции организма бессмертного, делая его слабее. Это не жизнь, а выживание.

– Да, ты говорил.

– И что, по-твоему, я врал?

– Нет, я просто сама хочу убедиться. И если ты прав, я навсегда откажусь от этой идеи. Но мне нужно попробовать, самой, понимаешь?

– Понимаю. Ладно, – кивнул Герман. – В сущности, это даже правильно и справедливо. Ну а пока, – его лицо снова приняло легкое и непринужденное выражение, – не хочешь выпить чего-нибудь более стоящего?

Он кивнул на котелок, в котором душистым паром исходил уже подошедший глинтвейн. Только теперь Кристина заметила, что зябнет, несмотря на теплую одежду. В доме еще было довольно прохладно, хотя уже и не так холодно, как в начале, но кончики пальцев рук и ног все равно неприятно стыли. Она кивнула, и вскоре горячая кружка красного вина согревала ее ладони и дурманила сладким запахом корицы. Попав в пустой желудок, первая пара глотков словно зажгла там свой собственный маленький огонек, согревающий изнутри. К концу кружки Кристине казалось, что она сама начала источать приятное тепло. Черный тулуп был теперь ни к чему.

Они пили и разговаривали. Герман рассказывал ей о легендах этих мест, найденных им в книгах, пока он коротал время в белом плену несколько лет назад. Он снова наполнил ее опустевшую кружку и себе тоже налил еще. В качестве закуски и быстрого ужина в ход пошли невесть откуда взявшиеся здесь в огромном количестве армейские галеты, намазанные тушенкой. Пища, раньше способная показаться простой и грубой, в этом удивительном и нетронutom цивилизацией месте виделась теперь самым роскошным деликатесом.

Окончательно разомлев от разливающегося внутри и снаружи тепла, Кристина растянулась на ковре, поближе к огню, и под успокаивающий голос Германа смотрела, как пламя лижет толстые поленья, постепенно превращая их в ничто, и само при этом остается неизменным. Это показалось ей символичным.

– Ты знала, что древние умели гадать по пламени костра? – внезапно спросил бессмертный.

– Да, что-то такое читала или смотрела.

– В сериале, – усмехнулся он.

– Может, и так.

Кристина лениво потянулась, не сводя глаз с очага.

– Между прочим, это не выдумки. Древние пытались читать и толковать знаки и образы, которые виделись им в огне, трактовали то, как идет дым, или летят искры.

– Древние люди или бессмертные? – уточнила девушка.

– И те, и другие. Ты будешь смеяться, но даже вампир, проживший сотни лет, в свое время являлся только отражением своей эпохи. Если люди верили в то, что огонь говорит с ними, он тоже верил. Только толковали мы все иначе, на свой лад.

– А как? – заинтересовалась новообращенная.

– Не знаю. Меня же тогда не было. Но думаю, все строилось на цепочках ассоциаций и символизме. Вот, к примеру, что ты видишь?

Кристина задумалась, глядя в огонь. Мелкие язычки поднимались по древесной коре частым строем.

– Кажется... Кажется, это лес. Горный склон, поросший лесом. Что это может означать?

Герман задумчиво растянулся на ковре подле нее, затем ответил:

– Наверное, просто наше путешествие сюда так сильно в тебе отложилось. Но если отбросить это... Лес – это множество, а гора – что-то большое или, может быть, даже великое. И выходит, что множество чего-то, скажем, прожитых лет приведет тебя к величию.

– О-о! – она вскинула брови. – У древних людей ты мог бы быть шаманом.

Бессмертный засмеялся ее словам.

– Давай я тоже тебе погадаю, – предложила Кристина. – Что ты видишь?

– Я? – он задумался, глядя на желто-рыжие языки в камине. – Я вижу только волосы. Рыжие волосы на ветру.

– Так не честно, – притворно возмутилась девушка. – Тут нечего угадывать, все сразу ясно. В твоём будущем, получается, только я, и больше ничего.

Герман придвинулся к ней ближе и спросил:

– А разве это плохо?

Его взгляд мягко скользил по ее лицу к губам, затем бессмертный не удержался и поцеловал их. Кристина расслабилась и закрыла глаза. Глубокий и медленный поцелуй со вкусом глинтвейна заставлял голову приятно кружиться. Герман, чувствуя ее податливость, налег на нее всем телом, полностью подчинив своей воле. От ее губ он перешел к лицу и шее, его рука ловко задрала толстый вязаный свитер девушки и, скользнув к груди, требовательно сжала ее. Кристина сладко застонала, затем начала неуклюже освобождаться от пуловера, ставшего лишним. Герман помог ей стянуть его через голову.

– Ты тоже, – прошептала девушка.

Бессмертный подчинился и снял с себя свитер. Блики от огня заплескали на его обнаженном мускулистом торсе, но Кристина недолго ими любовалась: бессмертный склонился к ее животу, и его горячи губы начали прокладывать извилистую тропинку вниз, к поясу ее джинсов. Приблизившись вплотную, он расстегнул и снял их с девушки.

– Ты тоже, – со слабой улыбкой повторила она. – Снимай.

– Нет, подожди. Иначе ты будешь слишком много думать обо мне, а я этого не хочу. Я хочу тебя.

Он снова поцеловал ее в губы, проникая сильным языком внутрь ее рта. Теплая ладонь Германа переходила от одного ее соска к другому, сжимая их сначала легко, затем настойчивее и сильнее, массируя грудь. Затем его губы последовали ниже, вновь по животу и дальше, к кромке трусиков. Герман снял их с девушки и раздвинул ее податливые бедра, начав целовать ее между ног.

Кристина задохнулась от восторга. Вино кружило голову и горячило кровь, заставляя ее послушно прилечь ко всему, чего бы ни коснулся ее любовник. Язык Германа теперь то танцевал вокруг ее клитора, то ловко задевал его, причиняя девушке все более и более нарастающее наслаждение. Ее женская плоть уже начала исходить соком от вожделения. И когда девушка уже хотела просить прекратить безжалостно распалать ее, бессмертный сам отстранился, шумно выдохнул и в одно движение перевернул свою партнершу на живот. Секунда, звук молнии и тихий шелест ткани, и Герман вторгся в нее со всей страстью и жадностью. Он лежал на ней сверху, и приятная тяжесть его тела вжимала девушку в густой и глубокий ворс ковра, а его дыхание влажно согревало ее спину между лопаток. Кристина тихо постанывала от каждого нового толчка, эхом отдававшегося даже в самых потаенных уголках ее тела. Пальцы Германа призывно коснулись кончиками ее нижней губы. Язык девушки дотронулся до них, приглашая внутрь, и через мгновение она уже посасывала их, заставляя своего партнера сгорать от возбуждения при одном только взгляде на эту картину. Легкие шлепки бедер бессмертного о вспотевшие бедра Кристины постепенно ускорялись, как и горячее дыхание двоих влюбленных.

За миг до того, как девушку накрыла волна экстаза, она посмотрела в огонь. Ей привиделись быстрые и полноводные алые реки. Они словно текли к ней, чтобы принять ее в себя. То ли им, то ли Герману, она громко выдохнула:

– Да!

И приятный спазм сжал все у нее внутри, а затем отпустил, как птицу выпускают на волю, оставляя мышцы приятно сокращаться то тут, то там, будто по ее телу блуждает эхо.

Герман громко застонал и через пару мгновений повалился рядом с ней на ковер. Прядка его каштановых волос прилипла к вспотевшему лбу. Слегка переведя дух, он обрушился на Кристину лавиной нежных касаний и поцелуев, лаская ее плечи и спину.

– Боже, у меня не осталось сил, чтобы куда-то идти. Можно я усну прямо здесь? – ее голос звучал одновременно разбитым и удовлетворенным.

– Может быть, так даже лучше. Думаю, на втором этаже еще холодно. Спальня в этом доме протапливается в последнюю очередь. Я могу разобрать диван, если хочешь.

– Не надо диван. Можно просто подушку и одеяло?

– Конечно, моя радость.

Он еще раз поцеловал ее в плечо, затем поднялся и, натянув и застегнув джинсы, пошел куда-то вглубь дома. Кристина надела кое-что из своей одежды, валявшейся вокруг в беспорядке, и, когда пришел Герман, взяла из его рук подушку и удобно устроилась прямо на полу. Ковер был мягким и теплым, огонь в очаге догорал. Мужчина растянулся рядом и укрыл их обоих плотным тяжелым одеялом.

– Сладких снов, моя радость.

– Спок... ноч... – пролепетала девушка, погружаясь в приятное забытие.

Глава 6

Дни напролет Эржбета сидела, запертая в своей комнате, ожидая отправки в монастырь. Марку уже написал письмо настоятельнице и теперь только ожидал ответа, чтобы в тот же час, как получит от нее согласие, отослать сестру. Постриг, простое монашеское одеяние и маленькая холодная келья, похожая на каменный мешок – все это девушка представляла очень явственно.

Верная служанка Маришка приносила с кухни еду дважды в день. Вопреки приказу молодого боярина, она клала на поднос под вышитую салфетку всякий раз то сдобную булочку, то запеченное в меду яблоко, то еще какое-нибудь лакомство. Ключи от покоев госпожи Марку давал служанке сам, и она должна была их возвращать сразу же, как отнесет запертой там девушке поднос с едой. За связку Маришка отвечала головой. Как-то под вечер, когда снова принесла своей хозяйке ужин, она разрыдалась. Молодая боярыня забрала у нее поднос, а затем прижала к себе.

– Ну что ты ревешь, глупая?

– Не могу я, – рыдала, дрожа в плечах, Маришка. – Как подумаю, что не увижу тебя больше, что срежут тебе монахини волосы... Не могу! Тошно мне!

– Ну, полно, не убивайся так, будто меня уж и на свете нет, – утешала ее Эржбета, крепясь изо всех сил. – Еще все может устроиться. Все может перемениться.

– Да что переменится?! Драгомир уезжает на рассвете... Брат твой и так, и эдак его хотел убедить не отказываться от женитьбы, но кто же пойдет против Влада, против самого господаря?! К Драгомиру приехал сейчас человек с поручением от его отца. Все, говорит, собирайтесь и езжайте домой, пока Владислав людей своих не прислал да не перевешал вас всех на заборе, как собак.

Маришка снова горько заплакала.

– Хотел бы перевешать, уже бы висели. Влад на расправу скор, как говорят. Да и если вдруг нагрянут его люди, дворню-то уж трогать не будут. Только господ хозяев.

Услышав это, служанка снова заплакала с подвыванием, но сразу прикрыла рот рукавом вышитой верхней рубахи. Эржбета посмотрела на нее с нескрываемой жалостью и теплотой.

– Ну ладно, успокойся. Вытри лицо и иди скорее возвращай ключи моему братцу, а то как бы он не велел тебя высесть за то, что ты такая нерасторопная.

На лице девушки появилось при этих словах странное выражение, и она глухо ответила:

– Марку не высечет. Он не такой. Он добр ко мне.

Только теперь боярыня обратила внимание на нарядно вышитую сорочку и тонкую нитку бус на шее прислуги. Она пристально вперилась взглядом в Маришку и тут же подметила едва уловимую мягкость черт лица, бережливость движений. По приезду боярыня так была занята собой, что и не приглядывалась толком к девице.

– А ну-ка, поди сюда, – проговорила Эржбета, глядя на живот Маришки.

Та отпрянула и потупилась.

– Ты понесла от него... – голос госпожи звучал ошеломленно.

Девушка молчала и глаз не поднимала.

– Ой дура... Ты с кем связалась? Ты что думаешь, он на тебе женится?

– Может и нет, но все же не обидит.

– За это я бы не поручилась, – Эржбета взволнованно отошла к окну и сквозь мутное стекло посмотрела в наступающую вечернюю тьму. – Ты что, не помнишь, какой он в детстве был? Думаешь, изменился?

– Изменился, – глухо буркнула девушка.

– Ой дура... – повторила ее хозяйка. – Знаешь, попомни мои слова. Берегись его! А от ребенка избавься, не то как родишь, Марку порубит его на куски и скормит собакам. Тогда вспомнишь меня.

Девушка вдруг подняла глаза на свою госпожу, лицо ее словно застыло, затем она проговорила:

– Пойду я, пора. Ключи нужно вернуть.

– Ну, иди. Иди. Береги себя, поняла?

Служанка ничего не ответила, вышла и заперла за собой дверь. Ее госпожа наспех поужинала, а потом улеглась на кровать, свернувшись калачиком под тяжелым теплым одеялом и пребывая в безрадостных думах.

Наутро она смотрела из своего раскрытого настежь окна, как Драгомир с братьями покидает дом ее отца и уезжает восвояси. Радость и тревога в груди несостоявшейся невесты мешались с морозным утренним воздухом, который она жадно вдыхала, полнясь неясными предчувствиями.

Ближе к обеду к заточенной сестре приходил Марку. Она издали слышала его шаги по коридору и голос: он громко кого-то бранил. Эржбета вскочила с постели и успела запереть тяжелую дощатую дверь на засов. Ключи в замке лязгнули, Марку дернул за ручку, но она не подалась. Он дернул еще несколько раз, затем, поняв, в чем дело, расшвырял и замолотил с той стороны кулаками, что было мочи.

– А ну открывай! Стерва! Я с тобой по-людски пришел поговорить, а ты от меня запираешься вздумала?! Хочешь, чтобы я дверь вынес?! Или думаешь, не смогу, сил не хватит?!

Раздался звук удара, означающий, что мужчина начал плечом прикладываться к разделяющей их преграде.

– Сможешь, – спокойно ответила девушка. – Как только ты меня тогда запирать станешь? Или, может, сразу на цепь во дворе посадишь, как собаку?

Марку затих, затем громко выругался:

– Фу, чтоб тебя! Чтоб ты провалилась, чертова девка!

– Это ты хотел мне сказать?

– Чтоб тебе провалиться ко всем чертям!

Его голос удалялся, девушка поняла, что Марку двинулся прочь.

На улице примораживало, а очаг в покоях Эржбеты топить не торопились. Последние принесенные ей дрова она сожгла еще вечером и теперь начинала зябнуть. Когда Маришка принесла поднос с едой, пленница пожаловалась ей. Служанка только поджала губы, затем ответила:

– Я и рада бы, но брат твой не велел приносить дров.

– Уморить меня решил. Вот же хореk мстительный! – выругалась в сердцах молодая боярыня.

– Да нет, не из мести он. Просто сказал: к чему на нее дрова тратить, если вот-вот приедет посланник из монастыря.

– Почему это он так уверен?

– Уж не знаю, но только он велел мне сегодня же вещи твои собрать.

Эржбета задумалась на мгновение.

– Говоришь, добр к тебе молодой боярин? Скажи, что я согласна, и что ты все исполнишь и вещи мои соберешь, и я не стану тебе мешать в этом, но только добавь, что у госпожи в покоях собачий холод, и дело пошло бы ловчее в тепле. И улыбайся ему.

– Прости меня, боярыня, не стану я...

– Скажи! – Эржбета сделала шаг навстречу служанке, и та отступила, испугавшись прямого горящего взгляда своей хозяйки.

Девушка кивнула.

– Ну, тогда ступай.

Когда дверь за прислугой закрылась, молодая боярыня достала из тяжелого сундука, окованного железом, шерстяное верхнее платье и, не задумываясь, надела на себя. Затем села и принялась за скромную трапезу. Похлебка оказалась холодной, а хлеб черствым, зато Маришка положила ей большое яблоко. Зеленое, сочное, с твердой кисловатой мякотью, с конца лета оно ничуть не утратило своего аромата.

Не успела Эржебета покончить с гостинцем, как ключ в замке опять повернули, и в покои вошла Маришка, а за ней еще одна женщина с огромной охапкой дров.

Девушки затопили очаг и, как и было обещано, принялись собирать вещи. Дело шло медленно, в тягостной тишине. Маришка начала было в один момент что-то тихонько напевать, чтобы развеять тоску, но смолкла почти сразу, посмотрев на госпожу. Та выглядела мрачной, будто готовилась к собственным похоронам. Только глаза блестели живым, лихорадочным огнем, какой бывает во взгляде у больного. Эржебета была сама не своя.

Из вещей клали в дорогу только самое необходимое, скромное одеяние. Богу красота ни к чему, он жаждет покаяния, – так говорили старики.

Сундуки были собраны, и боярыня спросила:

– А насчет ларца моего Марку ничего не говорил? Даром-то в монастырь нынче никого не принимают, нужно же и мне лепту внести.

– Ничего не говорил, – отозвалась девушка. – Он его где-то в своих покоях держит, но трогать не велел и никаких особых наказов не давал.

– И где он у него там?

– Знать не знаю, госпожа моя.

– Но ты-то бываешь у него, как я вижу. И что же, не заметила там у него ларца никакого? Того, что появился в день моего приезда.

Маришка с волнением посмотрела Эржете в глаза.

– Нет, не заметила. Должно быть, Марку спрятал его.

– Ну, хорошо. Пусть так.

Служанка ушла, закончив с работой и заперев за собой дверь. Эржебета снова осталась в одиночестве. Надвигались сумерки.

Последние дни осени пролетали незаметно, хмурые, короткие. Бледное солнце редко показывалось из-за плотной пелены тяжелых облаков, полных то ли дождя, то ли первого снега. Тусклый свет, и без того не дававший теней даже в полдень, незаметно начинал угасать, становиться слабее, и все ближе подпускал ночную мглу.

В этом-то сером последнем свете во двор боярыня Янаке въехал гонец. Он вручил домо-чадцам послание. Марку вместо отца распечатал его и, прочтя бумагу, велел накрывать на стол и нести из погреба вино. Вскоре из большого зала до Эржебеты начал доноситься гомон радостных голосов и крики. Девушка замерла у двери, вслушиваясь. Внизу праздновали.

Через короткое время тихие шаги послышались за дверью. Когда они замерли, Эржебета услышала торопливый стук и сдавленный голос.

– Госпожа!

Она метнулась к двери.

– Маришка, ты?

– Я, госпожа! Приехал гонец из монастыря. Он сейчас внизу со всеми, они там празднуют. А тебе, – ее голос влажно сбился, выдавая подступающий плач, – сказано утром ехать с ним в свой новый дом.

Сердце в груди Эржебеты оборвалось вниз, точно в бездонную пропасть.

– Ну, вот и кончено, – тихо прошептала она самой себе.

– Госпожа, – снова послышался жалобный писк на той стороне двери.

- Что еще?
- А ужинать-то нести?
- Неси, что уж теперь...

Эржбета отошла от двери. В комнате было темно, и только догорающий очаг едва освещал стены, хотя окно еще не заволокла ночная мгла. Девушка распахнула настежь оконную раму, желая хоть немного разбавить эту надвигающуюся тьму. Морозный воздух ударил ей в лицо и разбудил в очаге умирающее пламя. Из комнаты на верхнем этаже дома было видно, как серые деревья покрывали бурые склоны холмов, как внизу справа грязным лоскутным одеялом раскинулось село, а прямо, сразу за укрепленной стеной, зиял беззубым ртом глубокий Вдовый овраг. По ту сторону от него, на высоком склоне чернел голый лес.

То ли от неприглядности печальной картины, то ли от того, какие вести принесли ей, Эржбета вдруг крепко ухватилась за подоконник. Она обвела взглядом просвет окна, прикидывая, сможет ли пролезть в него, а затем свесилась, глядя вниз, думая, достаточно ли будет этой высоты. Слезы заволакивали глаза, но внутри девушка чувствовала холодную решимость.

Из-за соленой пелены она не сразу заметила, как с неба посыпались робкие белые хлопья. Начался снегопад, первый в этом году. Вдруг вдаль послышался высокий и протяжный звук – где-то на той стороне Вдовьего оврага завывали волки. Девушка будто бы очнулась, заслышав их. Она устремила взор на темнеющий лес и внезапно увидела у самой его кромки всадника на черном коне. Он замер там и смотрел, кажется, прямо на нее. Набирающий силу снегопад почти скрыл из виду его силуэт, но Эржбета заметила, как всадник поднял вверх руку.

Девушка сорвалась с места, пробежала по комнате и, найдя свечу, запалила ее от очага и бросилась обратно к окну. Она молила бога, чтобы ветер не задул пламя, и его можно было различить с такого расстояния. Снег опускался тихо и неслышно, пламя горело ровно и трепетало только от взволнованного дыхания самой Эржбеты. На улице царило безветрие.

Поставив свечу на подоконник, девушка пристально смотрела на ту сторону оврага. Всадник опять поднял руку, подавая ей знак, а затем развернул коня и скрылся в лесу. Эржбета задула свечу и принялась ждать.

Вскоре ключ в замке провернулся: Маришка принесла своей госпоже ужин. Однако боярыня и не взглянула на него, а сразу плотно затворила дверь и, подойдя вплотную к служанке, спросила:

- Что внизу, пьют?
 - Пьют, – несколько растерянно ответила Маришка.
 - И брат, и отец, и все дружинники их?
 - Брат и дружинники – да, а Янаке спать пошел, чувствует себя неважно.
 - И что же, спит, не видно его?
 - Не видно, должно, спит.
 - Хорошо, – ответила Эржбета и заметалась по комнате, лихорадочно собираясь.
 - Да что ты, что ты, госпожа, неужто уже выезжать собираешься?
 - Нет. Ухожу я Маришка, сбегая. Не поеду я ни в какой монастырь. Я скорее удавлюсь.
- Девушка тихо охнула при этих словах, но вмиг спохватилась и бросилась к своей хозяйке.
- Не вздумай, Эржбета! Марку поймает тебя и накажет! И меня вместе с тобой! Пожалей, не губи! Да и куда ж ты побежишь?

– Мне есть, куда. Об этом не волнуйся.

Маришка молча смотрела на свою госпожу, и кровь медленно отливала от ее лица. Наконец, она прошептала:

- Неужели к Владиславу, господарю нашему? Если Марку узнает...

Вместо ответа Эржбета взяла с подноса нож, принесенный для трапезы с кухни, и грозно посмотрела на служанку.

– А откуда же ему узнать? – ее голос звучал тихо и оттого необычайно жутко. – Или ты собралась сказать ему?

Побелев лицом окончательно, Маришка повалилась в ноги к своей хозяйке.

– Да что ты?! Я никогда бы! Неужели же я выдала бы тебя? Госпожа!

Эржбета кивнула и спрятала нож в рукав верхнего платья.

– То-то же, не вздумай меня выдать, – подумав, она добавила: – Хорошо бы и тебе уйти со мной. На новом месте мне понадобится служанка, а тут после моего бегства с тобой всякое может случиться. Да встань ты с пола!

Маришка неловко поднялась, путаясь в подоле, и ответила:

– Ты прости меня, но я останусь.

– Да ты послушай, глупая. В доме Владислава я никому не дам в обиду ни себя, ни тебя, а здесь Марку с тобой что угодно может сотворить. Или я не сестра своему брату! Если хочешь спокойной жизни себе и ребенку, то лучше бы тебе уходить теперь вместе со мной. Послушай моего совета, бежим вдвоем!

Эржбета смотрела на девушку, ожидая ответа. Маришка вдруг вся выпрямилась и подобралась, в ее осанке появилась невиданная до того момента горделивость, и она ответила:

– Нет, госпожа. Ты устраивай свою жизнь, а я уж устрою свою, будь спокойна.

Боярыня досадливо выдохнула.

– Ну, как знаешь.

Она еще раз посмотрела в окно. Черного всадника не было видно из-за стены крупного пушистого снега, укрывающего землю, точно пуховым одеялом, но Эржбета верила, что он не уехал, поняв ее знак. Она открыла сундук и достала оттуда тяжелый бархатный плащ, алый, подбитый мехом. Подержав в руках, откинула его в сторону и взяла другой, молочно белый с капюшоном, вытканый из шерсти, расшитый по краю нарядным узором из шелковых нитей. Он был легче и не так приметен на снегу, если кто будет смотреть с крепостной стены. Эржбета накинула плащ на плечи и двинулась к двери.

– А мне что же делать? Вернуть Марку ключи?

– Нет, ты вот что, – ответила служанке хозяйка, – пойдешь передо мной и будешь смотреть, чтобы никого впереди не было. Ключи не возвращай. Марку теперь пьянствует с друзьями, а про тебя уже и забыл, наверное. Сейчас ты проведешь меня до его покоев. Как пойдешь мимо, заглянешь в большой зал и посмотришь тайком, все ли дружинники сидят за столом с ним. А затем ты проведешь меня до стены, до двери, ведущей на эту сторону, – Эржбета указала рукой на окно и овраг. – Ключи у тебя я заберу и выброшу в овраге, они мне ни к чему. А Марку ты скажешь, что я напала на тебя, ударила поленом по голове, когда ты принесла мне поесть, и так сбежала.

У очага, и правда, еще лежали несколько поленьев. Ложь боярыни звучала правдоподобно.

– А шишка как же? От удара ведь шишка должна быть.

– Ну, – отозвалась беглянка, – тут уж ты справляйся сама. Устраивай свою судьбу. А хочешь, так бежим все же со мной.

– Нет, я останусь.

– Ну, как знаешь, тогда давай мне ключи и пошли. Только тихо.

Девушки выскользнули в коридор не громче, чем пара мышей. Неслышно они прокрались мимо большого зала, где отмечали предстоящий отъезд Эржбеты в монастырь. За столом было полно народу, Маришка не рассмотрела в точности, но не похоже было, чтобы кто-то упустил такой случай. Здесь были все, разве что кроме старого боярина, отца Эржбеты. Покои Марку располагались поблизости и заперты не были. Молодая боярыня приказала служанке ждать ее, а сама вошла внутрь.

Обстановку комнаты едва ли можно было назвать скромной. Пестрые ковры и звериные шкуры, оружие и пузатые сундуки говорили о богатстве здешних хозяев. Только Эржбета знала, что если присмотреться, то можно заметить: узоры дорогих ковров побила моль, драгоценный мех поредел и истрепался, а металл, когда-то досыта пивший кровь их врагов, теперь поедает ржавчина.

В сгустившейся тьме девушка двигалась по комнате, знакомой ей с детства, ловко, точно кошка. Ларец, ради которого она пришла сюда, оказался точно там, где она и ожидала его найти – под кроватью. Просунувшись до пояса под постель брата, Эржбета двумя руками выдвинула объемистую шкатулку наружу и открыла крышку. Ларец был пуст.

– Фу ты! – тихо выругалась девушка. – Так и знала. Все уже заложил и пропил, жадный хорь!

Она закрыла крышку и, вернув все, как было, направилась к выходу. Прежде, чем отпирать дверь, прислушалась. Снаружи доносились только звуки гулянья из большого зала и больше ничего. Эржбета отворила дверь и высунулась. Маришка облегченно выдохнула. Она стояла совсем рядом и от страха вся вжалась в стену.

– Все тихо?

– Тихо, госпожа. Пойдем скорее, очень мне беспокойно.

Боярыня и сама не намерена была дольше задерживаться. Девушки, тихо шурша платьями, двинулись длинными коридорами к выходу из дома, туда, где искусно спрятанная обитая железом дверь вела напрямиком к Вдовьему оврагу. Никто не встретился им на пути. В один момент только что-то шумнуло впереди. Эржбета припала к стене неосвещенного коридора, удерживая одной рукой служанку, а во второй сжимая нож, который заранее для такого случая и прихватила с собой в рукаве. К счастью, шум производила собака, урвавшая за столом большую мясную кость и теперь неспешно обгладывающая ее.

Снег на улице шел стеной, и ночь казалась белой и мягкой. Дойдя до двери, Эржбета нашла на связке нужный ключ и отперла ее. Вниз уходил крутой склон оврага, dna которого было не рассмотреть из-за кружащей в воздухе пелены белых хлопьев.

– Ну, давай прощаться? – сказала она.

Лицо служанки исказила жалостливая гримаса. Боярыня обняла ее на прощанье, расцеловала в холодные влажные щеки.

– Прощай госпожа моя! Пусть бог хранит тебя.

– И тебя. Смотри, на утро, как Марку проспится, ври ему, как я тебя научила.

– Я себе поленом шишку набью, – с улыбкой ответила девушка.

Эржбета на прощанье легко коснулась ее плеча, а затем накинула капюшон и начала спускаться вниз.

Склон Вдовьего оврага был крутым и слегка кочковатым. Эти-то кошки травы и служили единственной опорой, чтобы благополучно спуститься, не свернув себе шею. Очень скоро из-за пелены снега дверь наверху и стена перестали быть различимыми, и Эржбета поняла, что даже если не вся дружина пьет с ее братом в доме, человеку на стене все равно не рассмотреть ее в такую погоду.

Она спускалась осторожно, хотя и торопилась. Во времена осад один только этот склон сам по себе охранял ее предков от недругов. По нему проще было скатиться вниз, убившись насмерть, чем подняться к стене невредимым и напасть на крепость. Именно поэтому овраг и называли Вдовьим: уж очень много женщин оставило само это место без мужей.

В детстве Эржбета с братом и другими детьми излазали его вдоль и поперек, вопреки наказам матери и запретам отца. Они ловили на склонах нарядных узорчатых ящериц и ели землянику. Маленькая боярыня всегда отпускала любую пойманную ею живую тварь, а вот Марку... Хорошо, если он удовлетворялся отброшенным ящерицей хвостом, но иногда маленьким пленницам приходилось расстаться с жизнью в руках гадкого мальчишки.

Ноги Эржбеты до сих пор хорошо помнили склон. Она спускалась уверенно, изредка оскальзываясь. Когда нога вдруг лишалась опоры, боярыня сразу валилась назад себя, припадая спиной к склону, чтобы не скатиться вниз кубарем. Так она достигла дна. Здесь убранный свежим снегом овраг выглядел неузнаваемо. Покрутившись немного, девушка нашла удобное место, чтобы начать путь наверх. Руками она цеплялась за пожухлую сухую траву. Подол длинного платья был удобно заткнут за пояс, чтобы не мешался. Когда уставала, девушка прочно становилась на колени, переводила дух, а затем снова лезла вперед.

Выбравшись, беглянка огляделась. Ее дома позади и вовсе не было видно. Секунду постояв, Эржбета размахнулась и бросила в овраг связку ключей. Тихая, полная снега белая мгла поглотила ее жертву так же, как и крепость ее отца, как и весь остальной мир.

Девушка сделала несколько шагов. Впереди черной голой стеной стоял облетевший лес. И ни души не было вокруг. Внезапно над холмами послышался волчий вой. Эржбета уже собиралась подать голос, призывая своего спасителя, но услышала конскую поступь. Из белесой дымки выплыл к ней по краю оврага силуэт черной лошади с всадником. Конь шел упругой рысью, и свежий снег тихо шуршал у него под ногами.

- Ну, здравствуй, красавица, – подал голос мужчина в плаще, и боярыня сразу узнала его.
- Здравствуй, господарь мой.

Подъехав вплотную, Владислав резким движением подхватил девушку и усадил в седло перед собой.

- Это сейчас господарь, а совсем скоро мужем звать будешь.

Он улыбнулся и жадно поцеловал ее в губы. Эржбета почувствовала, как сильно он замерз, ожидая ее.

– Ну что, вижу, добром тебя твои родичи не отпустили. Что ж так? Пожалели для меня, для господара своего?

- Не суди их за это, прошу тебя. Отец мой стар, а брат еще ума не нажил. Оставь их.

– Что же я, родственников своей будущей жены не помилую? – он прижал ее к себе покрепче и закутал в свой тяжелый меховой плащ. – Ну, готова ты ехать в свой новый дом?

– Готова, – выдохнула боярыня, но вдруг помрачнела. – Только я ничего с собой взять из отчего дома не сумела. Промотал братец все мое приданое.

Владислав рассмеялся.

– Неужели ты думаешь, что я на твой ларец польстился? – он поднял за подбородок ее поникшую голову и привлек к себе, заглянул в глаза. – Сам хочу тебя разодеть. В лучшие бархат и шелк. Лучшими украшениями одарю. Будешь носить на себе золото, а с серебра есть. На каждый палец по перстню надену тебе сам, а в уши серьги. Тебе прежняя жизнь и не вспомнится. Ни о чем не жале! Все забудь, что до меня было. Ты теперь заново жить начнешь!

Влад половчее перехватил поводья и выслал коня вперед, к лесу. Через несколько мгновений путники растворились в стене кружащего снега.

Глава 7

Герман проснулся потому, что замерз. Он открыл глаза и понял, что еще очень рано. Солнце бросало длинные косые лучи с востока, пронизывая тонкий ажурный тюль. Бессмертный поднялся с ковра, на котором он и его невеста провели ночь. Кристина сладко спала, подложив руку под голову.

Вампир зашторил окна, и в дом вернулся мягкий сумрак. Затем он разжег огонь, чтобы жилье, успевшее выстыть за ночь, снова начало наполняться теплом. Убедившись, что все сделано, как нужно, и сон девушки ничто не потревожит, Герман взял топор и вышел на улицу, тихо притворив за собой дверь.

Очаг полностью прогорел, когда Кристина, укутавшаяся во сне в одеяло, как в кокон, наконец, открыла глаза. Тонкая струйка дыма поднималась к дымоходу от черно-рыжих углей, лежащих в светлой серой золе. Угли еще изредка потрескивали, создавая некое едва уловимое ощущение уюта, находящее отклик где-то в глубине души каждого из нас, но кроме них ничто не нарушало тишину затерянного в горах охотничьего домика.

Девушка встала, прошлась по комнате, разминая заспанное тело, затем накинула свое дикарское пальто из черной овчины и, обувшись, вышла на улицу.

Поначалу она зажмурилась от обилия белого, но затем глаза постепенно привыкли и адаптировались. Германа Кристина заметила почти сразу: он стоял недалеко, метрах в ста, на льду небольшого озера, поверхность которого сейчас напоминала чистый лист бумаги. Всего одна деталь нарушала безупречную белизну заснеженного льда. Черный квадрат, вблизи оказавшийся свежесрубленной прорубью. Темная, будто спящая, вода казалась вблизи густой и оттого похожей на смолу. Рядом лежали прозрачные глыбы и осколки льда.

Хрустя снегом, Кристина подошла и встала возле своего жениха, глядя на творение его рук, затем поинтересовалась:

– А это зачем?

– Нравится? Сам сделал, – довольный собой, вампир сложил руки на груди, глядя на дырку во льду размером примерно полтора на полтора метра.

– Я догадываюсь. И все же, для чего нам прорубь? Если где-то здесь есть баня, и ты думаешь, что после нее я захочу... Ты меня переоцениваешь, – девушка неловко засмеялась.

– Нет, бани здесь нет. Это нужно для другого. Ну-ка, дай-ка руку.

Кристина с сомнением вытянула к нему ладонь.

– Не эту, другую.

Она протянула другую. На пальце поблескивало подаренное Германом обручальное кольцо. Бессмертный нежно взял в свои ладони тонкие пальцы девушки, осторожно провернул на пальце украшение.

– Не жмет?

– Нет, я вчера пошутила, – голос Кристины звучал слегка виновато.

Не успела она ничего понять, как вампир ловко снял с пальца им же самим надетое кольцо и бросил его в воду. Стылая чернота поглотила его, и даже всплеска не последовало.

– Ты что?! – глаза девушки возмущенно округлились. – Ты из-за вчерашнего что ли? Говорю же, я пошутила! Герман, что ты сделал?! Зачем...?

Бессмертный выглядел невозмутимо, и по его лицу блуждала привычная полуулыбка.

– Успокойся, моя радость. Никакой связи со вчерашним разговором здесь нет. Твое кольцо в полном порядке. Лежит в каких-то четырех метрах от тебя, на дне, и если оно тебе дорого, то ты можешь достать его оттуда.

– Достать?! – почти прокричала Кристина, затем посмотрела еще раз на прорубь и снова на Германа, и выдохнула: – Да ты издеваешься!

– Нет, – спокойно ответил он. – Это не издевка, а твое второе испытание. Нужно достать кольцо.

Кристина хотела что-то ответить, но передумала и только схватила ртом воздух. Она пиявила глазами агатовую черноту ледяной проруби и молчала, затем, наконец, спросила:

– А что, если я не смогу или откажусь это делать?

– Ну-у, – протянул в ответ бессмертный, – значит, испытание ты не пройдешь. Но мы, конечно, все равно поженимся, а кольцо я, так уж и быть, достану тебе сам.

Он замолчал, но потом добавил, подступая к девушке вплотную и поправляя ворот ее пальто:

– Ты его достанешь. Просто не бойся и доверься мне.

Она еще немного постояла в сомнениях, потом сделала шаг в сторону открытой воды, встала вплотную к кромке и коснулась подошвой ботинка водной глади.

– Как бы это... – она глубоко вдохнула и выдохнула, как перед прыжком в пропасть.

– Советую для начала раздеться.

– А-а... ну да, конечно.

Кристина стала рассеянно, но быстро раздеваться.

– Подо льдом сейчас достаточно темно, но вода прозрачная, и ты сможешь рассмотреть дно в мельчайших подробностях. Оно чистое, водорослей там мало.

Девушка смотрела перед собой невидящими глазами, а руки стягивали с ноги ботинок и затем узкую джинсовую штанину. Босой стопой Кристина встала на снег и сразу почувствовала, как он плавится под ее ногой. Она покончила со второй штаниной и распрямилась. Из одежды на юной бессмертной остались только трусики и лиф. Холодный воздух уже начал тянуть из тела тепло, но девушка при этом почти не чувствовала мороза. Возможно, из-за волнения ее ощущения притупились.

Она постояла немного. Герман продолжал ей рассказывать что-то об озере, о том, что горы образуют чашу, и питается оно талым снегом, но Кристина будто не слышала его. Она встала на край проруби, качнулась вперед и затем испуганно отшатнулась. Герман молчал. Тогда девушка слегка качнула обе руки вперед, затем назад, но уверенности ей это не прибавило.

– Я не могу. Герман, я боюсь!

– Не бойся, там, на дне, никого и ничего нет. Я же говорю. Ты все сможешь хорошо увидеть.

– Люди вообще-то умирают иногда от переохлаждения.

– Да, но ты больше не человек. Забудь о таких вещах, это в прошлом. Те понятия о силе и выносливости, которые применимы к людям, тебя больше не касаются.

– А если я захлебнусь? – Кристина зябко пританцовывала у края черного безмолвного квадрата.

– Это исключено. Бессмертные могут задерживать дыхание намного дольше, чем люди. У тебя есть время, чтобы основательно там осмотреться и вернуться. Но даже если ты не успеешь, ослабнешь и наглотаешься воды, то просто потеряешь сознание. Тебя легко можно будет вытащить и откачать на протяжении еще пары часов?

– Так долго?

– Это не долго, по сравнению с тем, на что способен, к примеру, мой отец. Но нам с тобой пока далеко до него, поэтому да, у тебя в запасе всего пара часов.

Девушка снова замолчала, обхватила себя руками за плечи и устала в водную черноту.

– И все же, я не могу туда прыгнуть. Я вообще не умею прыгать в воду! – ее голос жалобно звенел. – Даже в детстве с мостков боялась, хотя все прыгали.

– Давай я тебе помогу. Сядь на край, опусти в воду ноги, я возьму тебя за руки и осторожно спущу. И буду держать, пока ты сама не отпустишь меня.

Зябко подернув голыми плечами, Кристина кивнула. Она осторожно опустилась перед прорубью на колени и посмотрела в воду. Волнующееся агатовое зеркало показало ей только ее искаженное отражение и ничего больше, надежно храня свои мрачные тайны где-то в глубине. С дрожащим выдохом девушка села на заснеженный край и опустила в черноту обе ноги. Холод. Кожу под водой сразу же начало покусывать и пощипывать, она вся покрылась мурашками. Внезапно что-то коснулось ее лодыжки, Кристина вскрикнула и, отшатнувшись назад, выдернула ноги из воды.

Герман, присевший рядом с ней на одно колено, среагировал с быстротой лесной кошки. Он сделал рывок, и через миг вытащил по поверхности нечто, похожее на выключенную елочную гирлянду.

– Водоросли, – подытожил он, бросая на снег болотно-зеленый длинный побег.

Рукав его свитера оказался теперь мокрым по самую подмышку.

– Я же говорю, там никого нет. Даже рыбы здесь не много.

Бессмертный кое-как отжимал в снег воду со своей одежды.

– Ты сам-то пробовал? Нырять туда? – голос Кристины дрожал то ли от волнения, то ли от холода.

Герман усмехнулся.

– Приходилось. Так что просто ныряй и достань кольцо. Это второе задание из трех. Только подумай, останется меньше половины. Сконцентрируйся на хорошем.

Опустить ноги в прорубь во второй раз было сложнее, чем в первый. Темная вода, казалось, даже плеска не издавала, принимая их в себя. Озеро было похоже на огромное, крепко спящее существо, не замечающее возни на своей поверхности или, наоборот, затаившееся и выжидающее. Герман встал за спиной своей невесты и подал ей руки. Она с силой вцепилась в его ладони своими холодными пальцами, не отдавая себе отчета, что причиняет ему боль. Бессмертный молчал, больше не подбадривая ее, чтобы не сбивать.

Несколькими ерзающими движениями Кристина придвинулась вплотную к краю. Ледяная вода слабо колыхалась у ее бедер, прозрачная, позволяющая разглядеть собственные стопы, кажущиеся зеленовато-сизыми, но не пускающая взгляд дальше единым непроницаемым занавесом. Так прошло несколько напряженных мгновений.

– Давай же. Чем больше ты затягиваешь, тем больше сама себя пугаешь.

– Заткнись, – тихо ответила Кристина сквозь напряженно сомкнутые челюсти.

Глубоко вдохнув, она резко соскользнула вниз. Ледяная чернота приняла ее по самую шею и сжала, порождая оцепенение в мышцах. От шока девушка дернула руки к себе, как бы инстинктивно желая закрыться ими от холода и сжаться в комок, и Герман выпустил ее. Тело моментально пошло ко дну, Кристина едва успела ухватить ртом воздух.

В первое мгновение она зажмурилась, затем открыла глаза и увидела сквозь искажающую призму воды лицо Германа. Он стоял над ней, словно глядя в окно, и его силуэт обступало белесое небо. А вокруг ровным серым куполом раскрывалась ледяная поверхность озера.

Ужас сковал девушку при мысли, что она продолжает идти ко дну, но почти сразу Кристина обнаружила, что руки и ноги подчиняются ей, несмотря на то, что ее тело промерзло, кажется, до самых костей. Она могла бы всплыть, если бы захотела, но вместо этого поджала под себя ноги и, круто развернувшись головой вниз, торопливо поплыла в темноту.

Поначалу она не видела под собой ничего, затем привыкающие глаза начали различать движение внизу и вокруг. Напуганный разум тут же нарисовал картины мерзких глубоководных тварей, кроющихся в засаде, огромных акул и угрей, набрасывающихся из ниоткуда. Но девушка продолжала рывок за рывком опускаться к невидимой пока цели. С каждым ее движением подводный мир преображался, будто кто-то все ближе и ближе подносил к нему

включенную лампу. Из пугающей неизвестности выступили очертания дна с кое-где лежащими на нем камнями и затонувшим плавником¹⁰, с полянками водорослей, тянущихся вверх к тусклому свету. Озеро было необитаемо и почти что мертво. Его покой нарушал редкий гулкий звук: от мороза трещал лед. Кристина услышала тихий скрип сверху и подняла глаза. По льду возле проруби двигалась тень – Герман беспокойно ходил вдоль края.

Прошло уже несколько минут, но девушка не чувствовала удушающего позыва наполнить легкие. Ей будто бы не нужно было дышать, по крайней мере, пока. Сколько это продлится, она не знала, и потому снова обратила свое внимание на дно. Нужно было найти кольцо.

Оно лежало неподалеку, в паре метров. К счастью, украшение упало на песок. Попади оно в водоросли, и девушке пришлось бы не сладко. Кристина зачерпнула его в горсть вместе с мелкими камешками и песчинками и, сильно оттолкнувшись от дна, устремилась наверх. Она достигла проруби за считанные секунды, и ее голова выскочила из воды, как пробка. Девушка жалко вдохнула и уцепилась свободной рукой за край. Герман сразу же подскочил к ней и выволок наружу. Он силой поставил ее на подламывающиеся от холода ноги и набросил на мокрые голые плечи овчинное пальто, лежавшее рядом.

– Я д-достала, – только и смогла выдавить из себя Кристина, разжимая дрожащую ладонь и показывая лежащее там среди донной грязи кольцо.

– Моя умница! Я верил, что ты справишься, – он закутал ее плотнее и обнял, прижав к себе.

– Иди к черту, – пробубнила вжатая в его свитер девушка.

Герман в ответ только засмеялся.

– Ладно, пошли в дом скорее. Ты замерзла почти как человек.

Пока они шли к охотничьему домику, с Кристиной произошло нечто странное. Внутри нее точно разожгли огромный костер. Он ширился и рос, пока не заполнил все ее тело приятным теплом. Теперь она твердо и спокойно шла рядом со своим спутником, оставляя в снегу следы босых ног. Герман нес все ее вещи в руках, у Кристины осталось только кольцо. Она так и сжимала его в плотно сомкнутом кулаке.

В гостиной было тепло, но бессмертный все равно заново зажег огонь в камине. Он положил вещи девушки на диван. Она, наконец, разжала руку и еще раз посмотрела на кольцо. Под налипшими на него песчинками оно сверкало все также ярко. Девушка положила свой улов на деревянный подлокотник дивана и без лишнего стеснения стала стягивать с себя мокрые и липнущие к коже трусы и лифчик. Она натянула свитер и джинсы прямо на голое тело и почувствовала себя прекрасно, как никогда. Только усталость от пережитого потрясения давила на нее, как толща озерной воды.

– Спальня наверху прогрелась. Можешь лечь и отдохнуть там, – подсказал Герман.

Не в силах ответить, Кристина поплелась к лестнице, поднялась наверх, чуть поскрипывая ступенями, и повалилась на большую двуспальную кровать. Постельное белье было чистым и дышало свежестью. Полежав немного, девушка заерзала, высвобождая из-под себя край одеяла. Она укрылась и сомкнула веки.

Спустя минуту почти неслышно следом за ней наверх поднялся Герман. Он положил на прикроватный столик отмытое от песка обручальное кольцо и сразу же ушел, не желая тревожить свою невесту. Кристина дождалась, когда он спустится вниз, высунула руки из-под одеяла и надела кольцо на палец, затем снова уютно устроилась, закутавшись по самый подбородок. Засыпая, она счастливо улыбалась.

¹⁰ Плавник (ударение на первый слог) – куски дерева, выбрасываемые на берег водоема.

Глава 8

Владислав хотел позвать священника сразу же, как только Эржбета переступила порог его замка Поенарь в столице Валахии, Тырговиште. Однако невеста настояла на том, чтобы отложить обряд венчания: ей хотелось получше подготовиться к торжеству. Тогда Влад велел служанкам принести в ее покои отрезы тканей редчайшей красоты, чтобы она выбрала, из чего будет пошито ее свадебное платье. Он прислал ей швей, искусных как в крое, так и в вышивке, приказал закупить золотые и серебряные нити, дать столько жемчуга и драгоценных камней, сколько будет нужно его будущей жене.

Пошив наряда Эржбета доверила чужим рукам, но за вышивку и украшение взялась сама. Дни и ночи она сидела над темно-красной материей, и подол и рукава расцветали диковинными цветами, населялись птицами и зверями. К золоту и жемчугу ловкие пальчики девушки прибавили гранат, и бордовая ткань запестрела алыми искрами.

Но ночам за окнами ее комнаты часто слышался волчий вой. Эржбета иногда вздрагивала от его холодного льющегося звучания, и тогда Влад, часто бывавший с ней допоздна, говорил:

- Не бойся, они славят тебя. Славят нас обоих.
- Страшно как... – полушепотом отвечала она.
- Ничего не бойся, пока я с тобой.

Вскоре свадебный наряд был готов. Дни стояли ясные, солнечные. Снег как выпал, так и не растаял, и теперь по всей земле расстилалось белое полотно. Сердце Эржбеты радовалось, что ее брак будет освящен господом в один из таких дней. Вопреки ее ожиданиям, священнослужитель прибыл в Поенарь в назначенный день только к вечеру. Небольшая церковь находилась в пределах самой крепости, и собрались наблюдать таинство обряда только самые близкие к господарю люди.

Внутри было темно, и пахло свечным воском. Желтый свет золотил иконы на стенах. Лики святых взирали на собравшихся свысока с выражением тихой грусти и какой-то нездешней усталости. Изредка живое пламя свечей чуть потрескивало, выдавая тонкую струйку сероватого дыма, в остальное время в зале не рождалось ни звука.

Они появились вместе, господарь и его невеста. Тяжелые двери церкви распахнулись, и из снежной тьмы вступили под своды церкви две фигуры. Владислав был одет под стать своей спутницы, в кроваво-красный кафтан с богатой отделкой. Входя, он снял отороченную мехом шапку, как того требовал обычай. Длинные черные волосы рассыпались по его плечам. На бледном лице, полном спокойствия и торжественности, выделялись выразительные темные глаза.

Эржбета шла рядом, держа за руку своего будущего супруга. Она не поднимала глаз на собравшихся, но им и без того было видно, как она хороша собой. Густые каштановые волосы, убранные в толстые косы, скрывал собой нарядный платок, подхваченный вышитой жемчугом лентой. Бусы из граната и красной шпинели густо украшали шею молодой боярыни. Темно-красный длинный подол платья скрывал от свидетелей обряда маленький секрет: белые, как снег, туфли, выполненные специально по ноге невесты.

– С чего вдруг такой каприз? – спросил жених, узнав о странной просьбе своей избранницы.

– Чистой хочу войти в свою новую жизнь, не нести с собой всю ту грязь, что налипла на меня.

Влад погладил ее тогда по щеке.

– К тебе никакая грязь не липнет, а если что и остается, то тебя это только красит. Но я выполню твое желание.

Теперь ноги девушки с тихим шелестом ступали по каменному полу церкви, обутые в белое. И сердце ее радовалось этому счастливому знаку.

Голос священника произносил слова молитв, и никто не смел спорить с ним, никто не смел возражать. Жених и невеста клялись друг другу в вечной любви перед лицом бога и посланца его на земле.

После, в покоях господаря новоиспеченный муж спросил свою жену:

– И не страшно тебе было давать такой обет? Вечность любить меня и быть рядом со мной.

– Век людской недолог, – отвечала Эржбета, чуть дрожа под горячими поцелуями своего нового супруга.

– А если и правда впереди у нас вечность была бы, не испугалась бы ты тогда?

– Тогда? Тогда я решила бы, что, наверное, уже умерла, и господь подарил мне рай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.